

The background of the cover is a vibrant, painterly illustration. A woman with long, flowing brown hair, seen from behind, stands on the wooden deck of a ship. She is wearing a dark vest over a white long-sleeved shirt with blue and yellow striped cuffs, and dark trousers. She holds onto a rope of the ship's rigging. The ship's sails are a deep red color. In the distance, a fantastical city is built into a steep, rocky cliff. The city features a mix of medieval-style buildings and a prominent, tall, dark spire that reaches towards the sky. The sea is turbulent with white-capped waves, and the sky is a mix of orange, pink, and purple, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is reminiscent of classic fantasy book illustrations.

ТОМ БЕРН

Кровь Божии

“ЛЕГЕНДЫ РАСКОЛОТОГО МИРА”

КНИГА II

18+

Легенды Расколотого мира

Том Белл

Кровь Богини

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Белл Т.

Кровь Богини / Т. Белл — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Легенды Расколотого мира)

ISBN 978-5-532-98044-0

Расколотый мир погружается в хаос. После битвы у врат Города Звёзд прошли годы, оставившие после себя лишь горькие воспоминания. В поисках книги Мора, последнего средства, которое поможет одолеть загадочные силы, что заточили старых Богов в плену, воительница Мария и мудрый кот Черныш отправляются в Техноград, столицу королевства Конкордат. Уверенные, что об их цели никто не знает, друзья надолго остаются в городе, ведя безуспешные поиски. Но древняя и непостижимая сущность не сидела без дела. И совсем скоро, над Техноградом нависнет угроза, способная перевернуть все мироздание...

ISBN 978-5-532-98044-0

© Белл Т., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Расколотый мир	5
Техноград	6
Пролог	7
Часть I	11
Беда не приходит одна	12
Черная Яма	20
Ветер в парусах	29
Новые зацепки	38
Путь во тьму	46
«Виола»	55
В Канцелярии	60
На дне бездны	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Том Белл Кровь Богини

Расколотый мир

Техноград

Пролог

*Техноград, столица Конкордата объединенных государств
Лето 983 года со времен Великого Раскола*

Собор Иоанна Поднебесного возвышался золотой громадой над крышами Храмового квартала. Монументальное творение казалось чем-то грандиозным на фоне окружающих домов. Даже раскидистое здание Префектуры по другую сторону Соборной площади выглядело жалко в сравнении с этим колоссом. Золотые зубцы, венчавшие две величавые колокольни, ярко блестели в лучах заходящего солнца. Между башнями разместился вход в Собор: высокий сводчатый портал, обрамленный витиеватыми пилястрами. Вся поверхность белокаменной стены над ним была испещрена резным барельефом с видами первой встречи мира с Поднебесьем. Изображавшие людей фигуры раболепно склонились перед таинственной сущностью в саване из света и символом веры в руках: треугольником, направленным острым концом к земле.

Этот же знак разместился выше над главным входом. Нарочито подчеркнутый темными мраморными лучами витраж из зеленого стекла пронзали тонкие стальные прутья. Подобно зачарованному Оку символ веры неустанно наблюдал за сновавшими перед Собором людьми. Слушал их разговоры. Читал их мысли. Внушал благоговение и трепет на всякого, кто посмотрит в его сторону. Но один человек бесстрашно взирал на пугающее Око.

Мужчина. Старик. Не согбенная дряхлая деревенщина или дармоед из бедняцких районов. Высокий и широкоплечий. Гордые черты лица и темный грозный взгляд выделяли его на фоне остальных. Он был облачен в белую сутану, украшенную богатым орнаментом золотых оттенков. Поверх величественно распростерся полукруглый плащ без рукавов, закрытый впереди золотой же пряжкой. Уходящий за спину капюшон венчали узоры из позолоченных нитей со множеством рубинов и изумрудов, складывавшихся в символ веры. Безволосую голову старца покрывал высокий колпак из зеленого бархата.

Архиерарх Леонтий III Стирийский умиротворенно рассматривал свою вотчину и наслаждался вечерним покоем и затишьем. Он стоял у фонтана прямо посреди Соборной площади, в тени скульптуры Поднебесной богини, лицо которой скрывалось под длинным плащом. В руках женщины находился кувшин, откуда стремительным потоком ниспадала ледяная струя. От бурлящей водной глади в воздух поднимались брызги и пылью оседали на рукавах Архиерарха.

Сегодня был долгий и тяжелый день. По завершении воскресной мессы горожане расходились по домам. Уходя, они поклонялись Оку, сложа руки на груди и нашептывая под нос молитвы. Завтра начнется новая рабочая неделя, и каждый прихожанин вопрошал для себя у Поднебесья удачи в делах и прочих начинаниях. Но Леонтий уже давно не проводил обычных мирских вечеров. Он облачался в литургическую мантию только во время важных и знаковых событий, когда выступал в роли посланника Поднебесья среди простых людей. На протяжении долгих десятилетий его основная работа заключалась совершенно в другом.

Великий Собор под его мудрым и суровым руководством процветал как никогда прежде. Но его длань распростерлась далеко за пределы Технограда. Архиерарх отвечал за всю Поднебесную церковь как в Конкордате, так и в остальном известном мире. Управлять такой махиной – дело не из простых. Все свободное от богослужебных дел время он проводил в Префектуре экономических дел Священного Престола Поднебесья. Приходилось корпеть над каждой монеткой, поступавшей от храмов, монастырей, аббатств и мелких церквей, разбросанных по всему миру. Сквозь ругань и споры с кардиналами, дьяконами и разношерстной мелочной требухой, Леонтий добывал и множил ресурсы, деньги и власть, концентрировал их под своим

надзором здесь, в Технограде. Его слово – закон. Но когда доходило до дележки денег, у многих появлялось собственное мнение.

Сегодня был воистину долгий и тяжелый день. И если с утра приходилось решать вопросы о волнениях на западных границах и участвовавших набегах варягов на северные порты, то после обеда Леонтий выслушивал этого идиота и паникера, королевского капеллана. Тот с пеной у рта рассказывал о тревожных событиях. Дошли вести об участвовавших случаях низложения Поднебесной веры на территории Родии. Проклятые дикари возрождали ересь о старых Богах. Многие связывали это с тем, что после Великой войны с отбросами Пекла, почти уничтожившей это никчемное отсталое государство, чернь обрела нового защитника. Недавно взошедший на трон Родии молодой правитель, который сверг преданного Леонтию и Священному Престолу Великого князя Володимира, активно распространял среди простого люда инакомыслие и непокорность сложившимся порядкам.

Королева волнуется. И не зря. Недавно обнаруженные в Серых горах серебряные рудники могли бы полностью оказаться в руках Леонтия. Но теперь все сильно осложнилось. Архиепископ распорядился направить в Княжеград делегацию, дабы решить назревающий конфликт. Но паникерства и подрыва репутации Престола он не допустит! Не хватало еще, чтобы этот недоученный выскочка-капеллан указывал на его промахи. В былые времена он разобрался бы с этим недоумком быстро и решительно. Но учинять ссоры с Королевой было бы сейчас крайне неразумно.

Леонтий тяжело вздохнул и прогнал все мысли. День подходил к концу. Нужно остыть и успокоиться, отложить все проблемы на завтра. Собор почти опустел. Теперь можно спокойно пройти в свои покои и расслабиться. Как обычно, он пошлет пажа за новой девкой из «Примулы». После полуночи, когда с ней будет покончено, выпьет кувшин вина и отойдет ко сну.

Смакуя блаженный вечер, Леонтий прикрыл глаза. Над золотом колоколен пронеслась стая щебечущих птичек. Плеск воды в фонтане расслаблял и успокаивал. Тихий ветер приносил ощущение прохлады. По небу медленно ползли низкие серые тучи. Прожит очередной жаркий летний день.

Архиепископ невольно вздрогнул, когда зазвонили колокола Собора. Девять долгих ударов. Им вторили голоса десятков и сотен колоколов поменьше. Грозной песней они разнесли над городом весть об окончании дня. Леонтий наслаждался их звучанием. Он улыбнулся. Каждый день в течение многих лет, он слушал мелодию главного колокола всего Конкордата. Для него эта песнь означала больше, чем для простого люда. Он слышал мелодию богатства и власти, раболепного послушания и восхищенных взглядов. Само Поднебесье говорило с ним через звон колоколов. Он – божественный ставленник высшей сущности в этом мире. Кто-то считал, что выше него только Королева. Но это было ложью, которой кормили мирян и недалеких аристократов. Выше него находилось только Поднебесье. И он был доволен своей ролью.

Когда стихли последние колокола, Архиепископ наконец пошевелился. Он расправил сутану и неспешно пошел по белокаменной брусчатке ко входу в Собор. Стоявшие на страже у портала гвардейцы, облаченные в белые цвета Священного Престола, распахнули перед ним двери и покорно склонили головы. Леонтий даже зачем-то кивнул им в знак благодарности. Видимо, совсем расчувствовался, созерцая красоту Собора. Кто-нибудь обязательно скажет, что стал стар и мягок. Но и это было бы ложью. Его воля была крепче стали, а в своих решениях он мог быть безжалостен и беспринципен. Вряд ли злым языкам дано осознать, как тяжела его ноша. Леонтия мало интересовали их пересуды. Сегодня он заслужил покой, и мог позволить себе немного мягкости и благодарности.

Пройдя через просторный атриум, Архиепископ вышел в огромную залу Собора. Тремя нефами она протянулась на сотни метров вперед. Вдали едва различался гранитный алтарь с символом веры, драпированный зеленой атласной тканью. Центральный двухъярусный неф, обрамленный мраморными колоннами, мог вместить тысячи прихожан. Над залой располо-

жились причудливые витражи. Формы и изгибы их рисунков отображали события из истории человечества и Поднебесья. Сквозь раскрашенные стекла слабо пробивался свет вечернего солнца и ронял на колонны залы пестрые пятна красок. Высокий сводчатый потолок, расписанный терявшимися в тених фресками, пронизывали витиеватые полуарки. В неровном огне нескольких ламп играли отблески позолоты и блики на старинной лакированной мебели, наполнявшей залу.

Архиерарх медленно брел по длинному бархатному ковру в противоположную часть Собора, вдыхая витавшие ароматы благовоний. Новообращенные послушники, что мыли полы после мессы, падали ниц при его приближении. Этих Леонтий не устаивал даже беглым взглядом. Грязные бродяги и оборванцы, брошенные сыновья обнищавших дворян, простые работяги – все они ломались в церкви и приходы в надежде найти лучшую участь в стенах цитаделей Поднебесной веры. Здесь были равны все. Но только не Архиерарх. Одна лишь возможность лицезреть его почти божественное величие для этих бедолаг становилась самым ярким воспоминанием всей их никчемной жизни.

Дойдя до алтаря, Архиерарх сложил руки на груди и отвесил глубокий поклон символу веры. Тот мягко мерцал зеленоватым светом в вечерней тьме и одарял ставленника Поднебесья своей благодатью.

«Дайте мне сил, мои Покровители, – молча взмолился Леонтий. – Столько работы сделано, но впереди еще больше. Наша Церковь крепнет, но становится все тяжелее справляться с бюрократами и сановниками. Дайте мне сил совладать с этой ношей. Я – ваш покорный раб и слуга».

Треск чадающих свечей огласил пространство вокруг алтаря. В воздухе запахло воском и дымом.

«Учение старых Богов вновь воспрянуло в нашем мире, – откликнулся голос из пустоты. – Нельзя допустить распространение этой заразы. Изведи инакомыслие любыми путями. Используй власть, что собирал все эти годы. Мы почти закончили нашу работу, и скоро к нам придет тот, кто положит конец старым Богам. Ничто не должно нам помешать».

«Да, мои Покровители», – поклонившись, ответил Архиерарх, и поднялся с колен.

«Не спеши, Леонтий», – раздался голос владык.

Архиерарх смиренно присел и затаился в ожидании.

«Достиг ли ты успехов в том, что было тебе поручено?».

«Да, мои Покровители, – взволнованно ответил Леонтий. – Завтра я ожидаю моего помощника, с докладом об успешном выполнении задания».

«Ты хорошо подумал, подбирая кандидата для этой работы?»

Архиерарх почувствовал, как вокруг его шеи сомкнулись невидимые путы. На лбу выступили капли пота. Он упал на руки, снедаемый судорогами.

– Да-да, конечно! – выдал из себя Леонтий, хватая ртом воздух. – Я обратился к лучшему в этом городе, никто ни о чем не узнает!

«Очень хорошо, Леонтий, – прошептали Покровители, разжимая узы. – Мы будем ждать вместе с тобой. Но если ты подведешь нас... Ты знаешь, что постигнет тебя. А теперь ступай».

Не переставая кивать, мужчина покорно встал на ноги, медленно обогнул алтарь и направился к сокрытым за апсидой Собора дверям. Только поднявшись по винтовой лестнице в кабинет и закрыв за собой дверь, Архиерарх позволил себе смахнуть со лба испарину и облегченно вздохнуть. Леонтий отбросил мокрый колпак и устало прислонился к стене. Всякий раз после разговора с Покровителями он ощущал себя выжатым, как лимон. Словно кто-то сжимал внутренности в кулак. Но сегодня хватка была особенно крепка.

Отдышавшись после подъема, Леонтий прошел к внушительному дубовому столу и плюхнулся в кресло рядом. Дрожащей рукой он плеснул в бокал вина и, жадно прикинув к

нему губами, осушил до дна. Не найдя упокоения, он повторил и позвонил в лежавший на столе серебряный колокольчик. Обычно на зов прибегал паж. Но сейчас никто не явился.

– Проклятый остопоп! – прогремел Леонтий, яростно размахивая колокольчиком. – Где тебя носит? Черт те что происходит!

«Мало мне склочных ослов из Префектуры и угроз от Поднебесья? Теперь и этот поганец куда-то исчез!»

За дверьми послышался топот. Кто-то быстро поднимался по лестнице, спотыкаясь на каждом шагу. Затем затишье, и в дверь постучали.

– Заходи, бесполезный болван! – рявкнул Архиепископ. Его покрасневшее лицо перекошило от гнева.

В комнату вошел запыхавшийся беловолосый юноша. На его лице застыло виноватое выражение. Он потупил взгляд, комкая в руках синий берет.

– Где тебя носило?

– Простите Ваше Святейшество, – пролепетал паренек. – Мне сказали, что вы ждете меня в крипте, и я побежал сразу...

– В какой еще крипте? – перебил его Леонтий. – Твоя задача ждать меня по вечерам. Возле! Моих! Покоев! – он плевался пеной, выкрикивая каждое слово.

– Простите, Ваше Святейшество! – взмолился паж. – Просто мне сказали...

– Твоему отцу дорого обошлась возможность устроить тебя сюда, – не унимался Архиепископ. – И ты оказался такой же бестолочью, как и он сам!

Леонтий залпом осушил бокал и схватил лежавший на столе тугой кошелёк. Он лихорадочно попытался развязать тесемку, но мешочек выпал из его рук и с глухим звоном приземлился на край столешницы. Оттуда вывалилось несколько монет, которые сразу раскатились по лакированному полу.

– Проклятье, чтоб тебя, – выругался Его Святейшество. Он соскочил со стула, упал на колени и принялся собирать монеты. Подобрал несколько, сжал их в кулаке и вытянул руку в сторону паренька.

– Не стой столбом, олух несчастный! Отправляйся в «Примулу» и приведи двух девок. Возьми, что помоложе, можно твоего возраста. И добавь хозяйке сверх оплаты за возможные увечья. Я сегодня зол.

Он высыпал содержимое кулака в трясущиеся ладони своего пажа и погнал его прочь.

– Черт те что происходит! Испортил мне весь вечер.

Леонтий залез под стол в поисках затерявшегося золота, когда в дверь снова постучали.

– Что тебе еще нужно, поганец? – крикнул он, не отвлекаясь от своего занятия.

Дверь с тихим скрипом приоткрылась. Послышался тяжелый стук сапог. Их стальная подковка звонко стучала при каждом шаге вошедшего. Леонтий неловко выбрался из-под стола и удивленно посмотрел на пришельца.

– Ваше Святейшество, добрый вечер, – послышался хриплый мужской голос. – Мне нужен лишь ответ на один простенький вопрос.

– Пошел прочь, грязный безобразный оборванец...

Тяжелый кулак, скрывавшийся в черной шипастой перчатке, одним ударом разбил губы Архиепископа. Алый фонтан крови брызнул во все стороны, оросив пол горячими каплями.

– Я надеялся, что мы с вами найдем общий язык, – проскрежетал незнакомец. Схватив Леонтия за ворот сутаны, он потащил его вглубь комнаты.

Часть I

*«Пред слепым зажигаем свечу,
Если злого к спасенью зовем.
Кто к злодею приходит с добром,
Солончак засекает зерном».*
Саади Муслих ад-Дин, персидский мыслитель и поэт.

Беда не приходит одна

Ночь расцветала над Техноградом тысячью фонарных огней. Колокола Великого Собора недавно отзвонили девятый час. Дневная жара угасла и, вместе с сумерками, на улицы города опустилась долгожданная прохлада. Последние прохожие спешили по домам. Одни пьяно пошатывались и недовольно бурчали под нос: кабаки и трактиры по указанию градоправителей закрывались воскресными вечерами раньше, дабы не отвлекать горожан от наступления рабочей недели. Другие просто прогуливались по ночному городу и наслаждались наступившим затишьем. По вымощенным брусчаткой мостовым, звонко разрывая тишину, цокали копыта лошадей запоздалых всадников. Морской ветер, украдкой долетавший в эту часть Старого города, приносил с собой запах соли и водорослей.

Марии нравился Техноград. Первое время он казался ей чем-то нереальным. Узкие улочки, вымощенные красной черепицей высокие крыши домов, красивые парки и скульптуры, раскидистые мосты с замысловатыми перилами... Кругом люди, самые разные, со всех уголков известного мира! Что ни площадь – то ярмарка, что ни лавка – то ремесленник. Повсюду витают приторно-сладкие ароматы цветов и запахи свежего хлеба. Западная часть города представляла собой сосредоточение всей научной и технической мощи Конкордата, а Великая Академия готовила лучшие умы во всем мире. А каков Королевский дворец? Настолько грандиозное и прекрасное творение она видела лишь один раз. Очень давно...

Но одного в Технограде не было. Того, чего Марии безумно не хватало. Звезд. Она скупала по усыпанному мелкими огоньками ночному небосводу. Их бледное мерцание едва могло пробиться сквозь яркие огни фонарных столбов. Однажды девушка взобралась на крышу Канцелярии и увидела, как сияние светильников накрывает город почти осязаемым куполом. И даже тогда, стоя над столицей, она не смогла разглядеть той россыпи холодного и далекого света, который сопровождал ее в течение всей жизни.

Бывало, сорвавшись посреди ночи, Мария, в компании верного друга – черного кота Черныша, уезжала за пределы города. Они облюбовали небольшой холмик на окраине пшеничных полей, где до самого утра наслаждались светом звезд. А один знакомый звездочет порой подсказывал, когда наступят безлунные ночи. В такие дни Маша бросала все дела и непременно устремлялась подальше от городских стен.

Но сегодня ей было не до этого. День выдался тяжелым. И дерьмовым. Пришлось разгребать одно неприятное дельце. И хотя в убийстве того торгаша была очевидно виновата его вечно пьяная супруга, треклятого старшего дознавателя из треклятой Третьей канцелярии Ее распрекраснейшего Величества пришлось убеждать в этом добрую половину дня. Поганец долго не хотел выносить решение о заключении виновницы в городскую тюрьму. И пока дознаватель не проел Маше всю душу, оставшись наконец удовлетворенным, он долго спорил и ругался. Даже Баз, ее наставник по работе, не мог убедить его.

– Ненавижу Третью канцелярию! – воскликнула Маша. – Все сплошь зазнайки и занозы в заднице. Хотят сидеть и ничего не делать.

– Точно так же они думают и о нашей, Шестой канцелярии, – ухмыльнулся Баз.

Они сидели на лавке в небольшом парке, напротив здания Собственной Ее Королевского Величества Канцелярии. Ее стены возвышались над всем Старым городом и безмолвно смотрели темными глазницами окон на опустевшие улицы. Но работа Королевских служб почти никогда не утихала. Особенно Шестой канцелярии. Особенно ведомства по раскрытию убийств и тяжких преступлений. Будь оно неладно.

Баз обильно пригубил из стеклянной бутылки и передал ее Маше. Та благодарно кивнула и прильнула к горлышку в надежде унять снедавшую ее жажду и клочочущий гнев.

– Баз, ты должен признать, – посмотрела на наставника Мария, – мы делаем всю самую грязную работу. Шестая канцелярия в ответе, наверное, вообще за все! Кого-то убили? Пошлите Шестую. У кого-то украли портки? Вам в Шестую. Кошку съел пьяный богородный? Срочно обратитесь в Шестую канцелярию!

Баз рассмеялся и отобрал у нее бутылку.

– Не преувеличивай, Мария. На всех службах можно встретить как честных работников, так и беспросветных лентяев. Этот хер, что выпил у тебя сегодня всю кровь, когда-то тоже работал в Шестой. Но потом стал стар и толст, и отправился просиживать штаны в кабинете.

– Да, но только на Шестую люди смотрят с ужасом и отвращением, – возразила девушка.

– Мы стали олицетворением репрессий Королевской власти, – кивнул Баз и отпил из бутылки, – тут не поспоришь. Но по сравнению с Седьмой...

– Я так и не поняла, из-за чего ее упразднили? Они же там занимались делами безопасности всего Конкордата!

– Несколько лет назад случился некий... инцидент, – уклончиво ответил Баз. – Я даже не берусь сказать, что именно. Но это было как-то связано с угрозой жизни королевской семьи...

– Темнишь, Баз, темнишь, – прищурившись, посмотрела на него Маша. Она забрала у коллеги бутылку и осушила ее до дна.

– Мария, оставь это, – отмахнулся от нее мужчина. – Лучше не лезть в дела, которые нас не касаются. Занимайся текущей работой. Кстати, об этом.

Баз повернулся к девушке и скрестил ноги. Маша, отбросив пустую бутылку в кусты, с интересом придвинулась ближе.

– Утром я разговаривал с Хорстом фон Хоффманом...

– Неужели? С самим советником Хоффманом? – воскликнула девушка, изображая на лице невинное удивление. – Главой Шестой канцелярии? Я думала такие как мы, мелкая рыбешка, не заслуживаем аудиенции таких знатных персон.

– Ты слишком отрицательно настроена, Мария.

– Не доверяю тем, кто зарабатывает больше меня, ничего при этом не делая, – возмущенно ответила Маша.

– Даже мне? – усмехнулся Баз.

Девушка улыбнулась:

– Ты – исключение.

– Послушай, Мария, – голос друга стал серьезным. – Советник начинал почти так же, как и мы, с самых низов. И добился высокой должности исключительно благодаря своим заслугам на службе.

– То есть состояние его покойного отца, владевшего половиной Зентра и входившего в Кабинет Ее Величества с такой же легкостью, как и в ее спальню, тут ни при чем?

– Я рад, что ты хорошо изучила своих руководителей, – насупился Баз. – И опечален, что ты так и не освоила такт, положенный в светском обществе. Но именно об этом и шла речь.

– Ты разговаривал с ним об отсутствии у меня светского такта?

– Мы разговаривали о том, что у тебя нет знатного происхождения, – раздраженно фыркнул наставник. – Но твои успехи на работе не остались незамеченными. Советник намерен дать тебе первый государственный чин, если ты и дальше не прослабишь. Завтра он желает поговорить с тобой о повышении.

От неожиданных новостей у Маши невольно отвисла губа. Первые годы, проведенные в столице ей приходилось работать подёнщиком в порту и крестьянских хозяйствах за городом. Она разрывалась между тяжелой скверной работой и поисками торговца, что много лет назад отплыл в Техноград от варяжских берегов с особенной книгой, что так была ей нужна. Книгой Бога Смерти Мора. Ее друг... Ярик... рассказывал незадолго до гибели у врат Города Звезд, что видел в воспоминаниях своего отца упоминание об этом торговце. Маша не знала

ни имени, ни названия корабля, совершенно ничего. Лишь то, что он торговец. И курсирует до островов Ан Сгара (что, как выяснилось, для порядочных купцов из Технограда – большая редкость). Поиски обещали быть долгими, посему пришлось найти себе жилье и работу. От безденежья она впала в отчаяние и, припомнив свои старые навыки, начала подворовывать у богачей. Но потом ей посчастливилось стать подмастерьем у оружейника в Торговом квартале, где она и работала, пока не познакомилась с Базом. К тому времени их с Чернышом поиски окончательно сошли на нет, и, смирившись, они остались жить в этом славном городе.

Их знакомство с Базом де Амрэ, старшим сыскарем Шестой канцелярии, вышло довольно необычным. Баз вообще был необычным мужчиной. Будучи отпрыском обнищавшего дворянского рода, он не смог бы купить высокий пост за деньги, как делают сыновья других аристократов. Он вступил в ряды Шестой канцелярии и много лет доблестно охранял порядок на улицах Технограда, добившись почета и уважения со стороны руководства и зависти и ненависти богатеньких бездельников.

Но, несмотря на опыт и мастерство, в день их с Марией знакомства он умудрился стать жертвой грабежа. Прямо перед мастерской оружейника, где работала девушка. Стоявшая рядом Маша в два счета настигла воришку, ловко обезвредив его ударом ноги в прыжке. Изумленный Баз заинтересовался девушкой и пригласил стать своей помощницей. С тех пор, последние пару лет, она помогала ему раскрывать не особо сложные, но всегда мерзкие убийства, совершаемые на территории самых проблемных районов города. У нее даже появились какие-никакие деньги. И вместе с Чернышом они тут же сняли комнатку на чердаке у одной старой дамы, перебравшись из вшивой портовой дыры.

Но теперь речь шла о чем-то действительно важном. Она могла выбраться из этой осточертевшей нищенской ямы!

«Что сказал бы мой учитель Суйдей, – подумала Маша, – узнав, как его подопечная радостно рукоплещет новостям о том, что ее берут на службу в Канцелярию Ее Несравненного Величества?»

– Мария? – Баз потрепал девушку по плечу.

– Прости..., – встрепенувшись, ответила та. – Я...не ожидала чего-то подобного. Мне нужно подготовиться к разговору. Что посоветуешь?

Наставник ухмыльнулся, поднялся на ноги и поправил слегка потертый суконный камзол. Баз был высоким и сухопарым мужчиной, с суровыми чертами лица, но добродушным взглядом. Его остриженные темные волосы блестели в свете ночных фонарей. Баз всегда одевался строго, но без изыска, как прочие богатеи. Его одежду украшали лишь знаки отличия Шестой канцелярии, размещившиеся на рукавах, – скрещенные меч и факел. Распрямившись, он погладил тонкую бородку и искоса посмотрел на подругу:

– Завтра утром не опаздывай на работу. Мы все тщательно обсудим. А теперь ступай домой. Время уже позднее, а тебе до Риверсбурга еще идти и идти.

Мария ухватила его за протянутую руку и встала со скамьи. Кажется, она немного переборщила с вином. Голова кружилась и ноги на мгновение подкосились. Девушка рухнула в объятия База, глупо смеясь и раскрасневшись.

– Ну уж нет, – покачал головой мужчина. – Таким способом ты повышение не получишь. Зардевшись, Маша хлопнула его по плечу:

– Не говори ерунды, это все вино...Забористое, падла.

– Хаггарские виноградники, девятьсот шестьдесят восьмой год. Такое может стоить половину нашего жалования. Благо мы изыали у подпольщиков этого добра навалом.

– Девять...сот...шестьдесят...восьмой..., – вино и правда ударило в голову. Девушка отпрянула от База, стараясь самостоятельно устоять на ногах. – Как интересно...

«В этот треклятый год умерла девочка Маня, – вспомнила девушка, – и родилась воительница-мхаграй».

– Ты дойдешь до дома? – обеспокоенно спросил наставник. – Или проводить?

– Нет-нет, – рассеянно улыбнулась Маша. – Забыл? Так я повышение не получу. Да и потом, тебя дома жена ждет. Так что доберусь сама, спасибо.

Взгляд База потускнел. Последнее время, когда он не был погружен с головой в работу, его лицо не покидала кислая мина. Однажды Маша пробовала вытянуть из База причину его заунывного состояния, но опытный сыскарь ловко уходил ото всех вопросов. Решив, что сейчас самое время подловить его, пока он находится в сметенных чувствах, девушка спросила:

– Баз, что происходит? Ну же! Ты знаешь, что со мной можешь говорить о чем угодно, и это останется между нами.

– С чего ты взяла, дорогая Мария, – парировал наставник, – что мне нужно поговорить?

– Уже целую неделю ты поникший, словно не можешь ладом сходить на горшок. Расскажи мне! Если за свою недолгую жизнь я что-то и поняла, то это то, что проблемами нужно делиться с друзьями. Не пойми меня не правильно, но всех этих светских ублюдков я не могу назвать твоими друзьями, – ткнув в сторону темного здания, Маша искренне посмотрела в глаза друга и улыбнулась. – А вот себя я могу назвать так.

Баз кивнул и пригласил Машу присесть на скамью. Убедившись, что их никто не подслушает, он тихо сказал:

– Все дело в жене. Ты знаешь, мы вечно с тобой на службе, спасаем жизни, ловим убийц и насильников, пытаемся заработать на хлеб с маслом. А она в это время пропивает последние гроши и распутничает по кабакам. Постоянные ссоры по этому поводу не могли продолжаться вечно. И пускай я и дворянин, но денег у меня и моей семьи никогда много не было. А ей хотелось все большего и большего.

Мария накрыла ладонью его руку и спросила:

– Она что-то сделала?

– Да, – ответил Баз, и голос его был готов сорваться от подступившего к горлу кома. Он прокашлялся. – Помнишь на той неделе мы поймали того залетного выродка из Цивиса? Который ловил маленьких бедняцких детей в портовом районе и насиловал их.

– Конечно, помню! Я несколько дней отписывалась от бесконечных жалоб из Канцелярии, после того как отрубила ему причиндалы, – сказала Маша и прошипела сквозь зубы, – этому больному ублюдку.

– В ту ночь, когда мы схватили его и начали с ним работать, моя благоверная отправилась в новый загульный виток. И в каком-то грязном кабаке отдалась за кошель монет владельцу плотницкой из Глухого тупика. Прямо на столе. За этим наблюдал весь зал.

Маша в ужасе округлила глаза.

– Я...у меня нет слов. Что ты сделал, когда узнал об этом?

Баз пожал плечами и уставился себе под ноги.

– Ничего. Выгнал ее из дома и теперь живу один. На днях пойду к знакомому из Первой канцелярии, разведусь с этой...с этой...

– Мне жаль, мой друг, – сжав его руку, сказала Мария.

Немного помолчав, Баз улыбнулся подруге и поднялся. Он с наслаждением вдохнул полной грудью прохладный ночной воздух. И повернулся к девушке.

– Это все былое. На нашей работе эта мерзкая история никак не отразится. А теперь иди уже домой, завтра будет тяжелый день.

– Как и все предыдущие, – мрачно сказала Маша, приняв вновь протянутую другом руку. – Доброй ночи, Баз. Все...все наладится.

Улыбнувшись друг другу на прощание, они разошлись в разные стороны. Мария брела по хитросплетениям улиц и размышляла о несчастьях, свалившихся на голову ее наставника. Ей казалось странным, что когда-то ее мысли занимали, ни много ни мало, судьбы целого мира. А теперь она переживает об обыкновенных житейских проблемах. Где взять денег на пропитание,

какую одежду выбрать для очередного рабочего дня (будто у нее был большой выбор), как помочь Базу в разрешении его неурядиц.

А тут еще неожиданно свалились вести о возможном повышении. И это радовало Машу! Она считала, что достигла успехов, работая обыкновенным помощником сыскаря, и давно заслужила похвалу и награду. Маша улыбнулась своим мыслям. Раньше она мечтала лишь о том, чтобы проснуться утром живой и невредимой. Свой путь она начала, став членом древнего ордена мхаграев – религиозных воинов, что состояли на службе у безумного Посланника Пекла, богородного, грезившего об уничтожении мира. Вместе с храбрым охотником Ярославом они пытались остановить Посланника. Им помогали мудрый и веселый старик Яромир, кудесник, что бродил по миру еще до Великого Раскола, и бесстрашный волшебный кот Черныш, который умел разговаривать, и знаниями мог бы потягаться с любым живущим в этом мире.

Вместе они преодолели тяжкие испытания. Маша потеряла почти всех, кто значил для нее хоть что-то. Первым погиб Суйдей, ее учитель-мхаграй, который стал ей почти отцом. Воин пал, спасая Машу от зачарованной твари, среди стен башни Бога Хлада. Вслед за ним из жизни ушел и Яромир, убитый Бояном – человеком, которого она тоже считала другом. А затем и Ярик отдал жизнь, дабы повергнуть чертового Посланника.

После битвы у врат Города Звезд, тюрьмы, где, якобы заточены старые Боги, Мария и Черныш добрались до Технограда в поисках фолианта, который мог бы помочь освободить Богов. Для этого девушка хранила олицетворявшие их фигурки, что являлись ключом к спасению и Богов, и всего мира. Прямо сейчас шесть причудливых идолов вместе с ее мхаграйским мечом – катаной и кинжалами, лежали дома в тайнике под половыми досками под бдительной охраной Черныша. Маша всегда опасалась оставлять эти ценные, как ничто другое, вещи без присмотра, но выбора не было. Со временем она привыкла и успокоилась. К тому же о событиях у Города Звезд не знал никто, кроме них двоих. И переживания отпустили ее. Но тайник она проверяла, тем не менее, ежедневно.

Пройдя через узкие улочки Старого города, Маша оказалась на дороге, ведущей до пригорода Технограда – Риверсбурга, уютного и довольно милого места, приютившегося сразу за северными стенами. По правую руку от дороги раскинулся огромный, размером с целый лес, сад Арабеллы Красной, полный старинных красивых сооружений, зеленых лабиринтов, диковинных деревьев и редких цветов. В центре парка протянулась колоннада из молочного мрамора и целая галерея скульптур и изваяний древних правителей и героических воинов. Маша успела побывать в парке всего раз, и мечтала вернуться туда еще, настолько там было красиво и спокойно. Забавно, что она каждый день проходила мимо, но так и не могла найти время заглянуть в это чудесное место.

По левую руку бежала речка – Голубая лента, делившая город пополам. Над ее водами, что стремительным потоком уносились в Южное море, раскинулось множество мостов, соединявших две части Технограда между собой. Мосты были настоящим произведением искусства, на которое можно было долго любоваться, содрогаясь от восторга. Даже спустя десяток лет, проведенных в этом месте, Маша не могла привыкнуть к подобной роскоши и великолепию.

Яркая вереница фонарей увлекала ее все ближе к Северным вратам Технограда. Высокие башни обрамляли врата по обе стороны и угрюмо возвышались над дорбгой. Их верхушки утопали в ночной мгле и тумане. Редкие бледные огни на стене едва разгоняли влажную дымку. В воздухе пахло сыростью. И лесом. Не кедрами и кипарисами из парка, что частоколом выстроились вдоль дороги, но настоящим диким лесом.

«К дождю», – подумала Маша.

Она прекрасно умела ориентироваться в перепадах погоды в дикой местности. Но в городе, где природа отступала перед человеком, навыки и приметы часто подводили ее. Однако

вскоре поднялся холодный ветер. Он взметнул кончики флажков, которые украшали парпет над воротами, и пригнул верхушки темных деревьев ближе к земле.

«Точно к дождю».

Маша зябко поежилась. Прошел почти час, как она рассталась с Базом, а ей еще предстоял неблизкий путь. Благо, что последние остатки вина выветрились из головы, и ноги больше не норовили зайти одна за другую. Девушка думала, как бы незаметно проникнуть в свою комнатку, не разбудив мадам Клетус. Добрая женщина, вдова зажиточного ремесленника, доживала век в центре Риверсбурга. Высокий, четырехэтажный, но довольно узкий дом стоял на мощенной каменной набережной, возле булочной. Из комнаты Маши прямо на реку выходил крохотный балкончик, а по утрам из пекарни доносились манящие ароматы свежей выпечки. После долгих лет, проведенных среди вонючих воинов Орды Посланника и пропахших рыбой портовых трущоб, Мария ощущала себя героем какой-то сказки. Пробуждения были ее любимым моментом всего дня.

Мадам Клетус приютила девушку, скитавшуюся в поисках жилья, и взяла за аренду комнаты совсем немного (сущие копейки по меркам Технограда). Маша с тоской вспоминала времена, когда ее карманы были полны золота, награбленного Ордой.

Между тем девушка очутилась на набережной Риверсбурга. По ночам здесь было особенно красиво. Огни ламп отражались в спокойных водах Голубой ленты и отполированной временем каменной брусчатке. Из окон высоких кирпичных домишек на дорогу проливался желтый свет. На покатых остроконечных крышах играли лунные блики. По вечерам из таверны, стоявшей в самом начале улицы, были слышны голоса и веселая музыка. Но, как и прочие заведения, воскресным вечером она была закрыта.

Маша неторопливо приближалась к убежищу. После очередного дрянного дня дорога домой успокаивала ее. Девушка ощутила, что зверски устала и мечтала скорее скинуть одежду, попасть в кровать и просто уснуть. Даже вездесущий Черныш не смутил бы ее своим присутствием. Он ведь кот! Пусть и говорящий. Однако тот, как «истинный джентльмен», всегда отворачивался от обнаженной Марии, но постоянно попрекал ее за «вульгарное» поведение. Ишь, каких слов понахватался в просвещенной столице!

Кое-что привлекло внимание девушки. Близилось к полуночи, и мадам Клетус в это время всегда спала. Но сегодня из окон струился тусклый свет. Мария затаилась у пышного куста цветущей розы и оглядела дом. Входная дверь была приоткрыта.

«Что-то не так», – подумала девушка и доставала из-за пояса кинжал. Затем легонько толкнула дверь, но та не поддавалась. Маша нажала сильнее, но безуспешно. Дверь лишь легонько отпружинила. Нечто с той стороны не давало ей открыться. Навалившись плечом, Маша подвинула ее вместе с препятствием. Яркий свет ламп ударил в глаза, привыкшие к ночной темноте. Когда зрение наконец прояснилось, Маша ахнула.

Препятствием оказалась хозяйка дома. Она лежала на полу лицом вниз, заслонив собой двери. В воздухе пахло испражнениями и чем-то кислым. Рухнув на колени, Маша отложила кинжал в сторону и перевернула женщину. Седые, вечно завитые у висков локоны, растрепались и испачкались в рвоте, лужа которой, вперемежку с пеной, обильно растеклась под ее телом. Старческие руки заоченели в плотно сжатых кулаках.

– Она еще теплая, – прошептала Маша и отпрянула от женщины. – Должно быть, умерла совсем недавно. Но почему она лежит у открытых дверей?

Встряхнув головой, девушка склонилась над трупом мадам Клетус. Осмотрев женщину, Мария не нашла следов насильственной смерти. Все было цело и невредимо. Только волосы истрепались, и на горле следы от ее же ногтей – длинные багровые полосы.

– Она никогда не жаловалась на здоровье, всегда бойкая и непоседливая. Отчего же она могла умереть?

Маша поползла до обитой зеленоватым войлоком софы, и устало откинулась на спинку.

– Проклятье, – шумно выдохнула девушка и прикрыла глаза.

Снова смерть. Мало она насмотрелась на нее на работе? Мало их было за всю жизнь? Ей было жалко старую женщину. Клетус оказалась очень добра к Марии, и помогла в трудную минуту. А теперь ее нет, и девушке снова придется скитаться.

– Проклятый Мор, почему ты никак не угомонишься?

Маше хотелось забыться сном, но она не могла себе этого позволить. Набравшись сил, она села и машинально потянулась рукой к стоявшему на низеньком столике бокалу. Девушка принялась к содержимому: красное вино, причем неплохое, насколько она могла судить, отдавало резким кисловатым запахом. Мария собиралась отпить из бокала, как вдруг осеклась. Ее взор упал на столик. На нем располагалась открытая пузатая и приземистая бутылка из темного стекла. То же самое вино. Рядом лежала пробка, и стоял еще один бокал из хрустального сервиза мадам Клетус – женщина любила им хвастаться перед редкими гостями. Бокал со следами красного напитка был пуст.

– Здесь был кто-то еще, – Мария вернула свой бокал на место и поднялась с дивана. – Проклятье... Черныш!

Стрелой она взметнулась по лестнице на последний этаж и обнаружила распахнутую дверь своей комнаты. От волнения и спешки Мария запыхалась. Ввалившись внутрь, она застыла, изучая обстановку. Все лежало на своих местах. Маленькая кровать с пуховой периной была аккуратно заправлена. Скомканная грязная одежда, все так же покоилась на кресле в углу, там же, где ее вчера оставила Маша. Двери громоздкого старинного шкафа, украшенного причудливой резьбой на карнизах, были плотно прикрыты. Казалось, все в порядке.

– Черныш! – громко позвала Маша.

В ответ молчание.

Распахнутые настежь ставни балкона стукались от легкого ветра. Прикрывавшие их белые шелковые занавески небрежно сдвинуты к краю комнаты, открывая взору старое ветхое окно. Маша протиснулась сквозь узенькие дверцы и осмотрела дорогу возле дома. В свете оконных огней ей ничего не удалось различить. Оставалось проверить последнее место.

На дрожащих ногах девушка вернулась в комнату и загнула угол потертой половицы, пытаясь нащупать крохотную выбоину в полу. Кинжал остался внизу, возле трупa мадам Клетус. Выругавшись, Маша изловчилась и сквозь боль подцепила ногтями заветную доску, открыв зияющий тьмой проем. Сунув руку, Маша в ужасе округлила глаза.

Пусто.

– Да чтоб тебя! Нет!

Мария в истерике шарила внутри тайника, но без толку. Ее мхаграйский меч и кинжалы из лунного серебра пропали. А вместе с ними и мешочек, полный идолов старых Богов.

– Нет...

Девушка села, прислонилась к кровати и зарыдала. Она не плакала так с той ужасной ночи, когда кровавая луна Морей вознеслась над шпилями Города Звезд.

– Нет! Нет! Пекло тебя разорви!

Вскочив на ноги, Маша в ярости заметалась по комнате: ударила кулаками в двери шкафа, разбросала одежду, пнула загнутый угол ковра, стащила перину и схватила стоявшую на тумбе бутылку, намереваясь запустить ею об стену. Ощувив ладонью холодное стекло, Мария остолбенела.

Этой бутылки не должно было здесь быть.

– Что за...

Наспех подпалив стоявшую рядом масляную лампу, Маша рассмотрела находку. Такая же пузатая бутылка из темного стекла, плотно закрытая деревянной пробкой. Гладкая, ни марок, ни гравировки.

Девушку трясло, но она взяла себя в руки. Мысли постепенно сложились в цепочку. Кто-то расправился с мадам Клетус, проник в комнату Маши, выкрал фигурки, а за одним ее меч и кинжалы. Но как они узнали? Об этой тайне не ведала ни одна живая душа! И куда подевался Черныш? Неужели с ним что-то случилось?

Бросив бутылку на развороченную перину, Мария с лампой наперевес выпорхнула из комнаты. Тщательно осмотрев весь дом, она не нашла следов ни чужого присутствия, ни пропавшего друга.

Спустившись, девушка принялась лихорадочно размышлять.

«Нужно сообщить Базу. Оповестить Канцелярию! Но что я им скажу? У меня пропали идола старых Богов, которые могут их же освободить? Меня тут же сожгут перед Собором Поднебесья за ересь. А еще мой меч, который я получила на службе древнему ордену убийц? Я мигом окажусь в казематах Королевской тюрьмы, где проведу остатки своей никчемной жизни. Проклятье. Нужно поговорить с Базом! Он обязательно мне поможет».

Мария хорошенько спрятала обе бутылки и бокалы, и немедленно отправилась обратно в Старый город, тем же путем, что и пришла. У врат ее пытался остановить испуганный стражник, но она лишь крикнула ему: «С дороги! Шестая канцелярия».

Солдат вжался в каменную стену, освободив проход несущейся девушке, и покрутил у виска ей вдогонку. Но Маша уже бежала по мостовой между парком и рекой, радуясь, что огни фонарей освещают путь.

Баз жил в старом, как и сам район города, доме, не так далеко от здания Канцелярии. Маша редко бывала у него в гостях, и довольно плохо ориентировалась в том районе, но дорогу помнила. Для начала нужно было вернуться к их конторе.

На улицах стало необычно многолюдно. Она узнавала лица коллег и работников других подразделений Канцелярии. Все торопились туда же, куда и девушка. Пробегая мимо лавки, на которой они с наставником совсем недавно пили вино, она услышала оклик:

– Мария! Стой! Куда ты несешься?

Баз. Мужчина спешил к ней с противоположного конца улицы. Под его расстегнутым камзолом виднелась одна лишь белая майка. Лицо друга было заспанным, а волосы взъерошены, словно он только проснулся.

– Мария! – крикнул наставник, схватив ее за плечи. – Как хорошо, что ты здесь. Я думал уже послать кого-нибудь за тобой.

– Как хорошо? Что, черт возьми, случилось? – прохрипела Маша, переводя дыхание после пробежки.

Ночную тьму разорвал долгий и протяжный звон колоколов Великого Собора. Такого звучания Маша еще не слышала. Оно не было похоже на привычное оповещение об окончании вечерних служб, ночью они вообще никогда не звонили. То была раскатистая, как гром, траурная песнь.

– Баз, что случилось? – повторила Маша, оглядываясь по сторонам и видя на лицах собравшихся работников Канцелярии скорбные выражения. – Почему здесь так много наших?

– Мария, – пытаясь отдышаться, ответил Баз, – Архиепископа Поднебесья Леонтия нашли убитым. Подняли всю Канцелярию. Все службы!

У Маши подкосились ноги. Она подошла к лавке и плюхнулась, клацнув зубами. Схватив себя за волосы, она стеклянным взглядом уставилась на суету, царившую у здания конторы.

– Проклятье...

Черная Яма

Снова в цепях.

Во тьме.

В который раз? Глокк давно сбился со счета.

Но теперь все стало много хуже. Он попал не в обычную захудалую тюрьжку. Это место хуже любой темницы.

Со дна Черной ямы еще никто не убегал, об этом знали все. Мифы о ее неприступности ходят по всему Хармату уже много веков. Это гиблое место расположилось в глубоком ущелье на юге Золотых гор. Сюда бросали самых отмороженных выродков, больных насильников и прочих ублюдков, для которых не нашлось места под Великим Солнцем Хармата. Но не только их... Тем, кто оказался недостоин греться в лучах славы султана, выписывался билет в один конец. И потому, вместе с последними отбросами общества, подыхая от голода и нападок озбоченных маньяков, чахли противники кровавого деспота, ученые, политики, философы...

Глокк не мог отнести себя ни к тем, ни к другим. Хотя он всю жизнь убивал. И убивал немало. В том числе и солдат нового правителя. Но простиравшаяся на много верст под землю Яма, берегла самые страшные и самые темные уголки для особенных узников. Таких, как он. Для богородных.

После становления новой власти по всему Хармату начались гонения кудесников. Султан Хаддар питал острую ненависть ко всем колдунам, что превратили его страну в выжженную пустыню. Огнем и мечом он стер с лица своих земель последние оплоты Поднебесной церкви и преследовал всех богородных, что отказались стать частью его Великой армии. Многие прикнули к нему в надежде сохранить подобие жизни.

Но только не Глокк.

Проржавевшие от сырости цепи мерзко скрипели, пока его опускали в объятия тьмы. Подвешенный на крюке Глокк беспомощно болтал ногами, ожидая наконец ощутить твердь дна узилища. Покрытое синяками и ссадинами тело ныло после недавних пыток. На нем остались лишь рваные грязные брюки, подпоясанные веревкой, и черные, отливающие серебром, браслеты, что сковывали руки. Поганный металл не давал ему воспользоваться даром. Такого богородному еще не приходилось испытывать. Ноющее чувство пустоты под желудком давило и пожирало, сводило с ума. Но Глокк не поддавался.

Он посмотрел наверх. Пятно света, что отделяло мир живых от Черной ямы, становилось все меньше и меньше. Лучи утреннего солнца не имели власти в этом месте. Со всех сторон поднялось дикое улюлюканье: обитатели Ямы радостно встречали новую жертву. Еще одну душу заперли вместе с ними в самом темном месте целого мира. Скоро они позабавятся.

– Посмотрим еще, кого с кем заперли, – ухмыльнулся своим мыслям Глокк.

На стенах ямы вспыхнули огни факелов и свечей. Теперь богородный смог видеть очертания нового пристанища. Изъеденная поколениями заточенных узников горная твердь кишела норами и проходами. Уходившие вглубь скалы тоннели напоминали огромный чудовищный город, пропахший застарелым смрадом мочи, пота и крови, разбавленный кислой, разъедающей вонью. Привычный к обычным ароматам нищенских трущоб и богаделен, сейчас Глокк едва сдерживал рвотные позывы, ощутив новый незнакомый запах. Однако, местных, похоже, все устраивало. Словно муравьи, сотни и тысячи узников сновали по собранным из хлама и деревянных обломков канатным дорогам, что простирались вдоль бесконечных каменных стен. Из расщелин выглядывали грязные рожи и впивались безумным взором в Глокка. Тот отвечал им холодным спокойствием и презрением. На лице заиграла мрачная улыбка. Глокк привык иметь дело с отбросами. Они окружали его всю жизнь. В этом месте он будет чувствовать себя как дома.

«Это будет интересно».

Спуск вдруг прекратился. По цепи пробежала волна, всколыхнувшая повисшего пленника. Изловчившись, Глокк посмотрел под ноги. Внизу, едва различимое в темноте, виднелось каменистое дно. До него было не так уж и далеко, оставалось избавиться от цепей.

– Доблестные янычары султана решили позабавиться, – ухмыльнулся Глокк. – Дальше справлюсь без их помощи.

Богородный напряг мышцы. На его руках, размером с доброе дерево, набухли вены. Медленно раздвигая их в стороны, мужчина поднялся до одного уровня с крюком. Быстрым, едва заметным движением, он ухватился за цепь и начал подниматься. В уши ударил поднявшийся со всех сторон гвалт. Недовольные узники посылали вслед Глоку проклятья, кидались в него дерьмом и камнями. Но почти ничего не долетало. Богородный, не спеша, взбирался по цепи. Ничего не оставалось, кроме как уповать на удачу, в надежде остаться незамеченным для солдат наверху.

Но не вышло. С громким лязгом цепь рухнула, а вместе с ней ко скалистому дну полетел и Глокк. Резкое падение выбило весь воздух из легких. Желудок в страхе ухнул вниз. Сердце будто остановилось. Полет оказался быстрым, а приземление болезненным. Запутавшись в цепях, мужчина упал на острые камни, которые впились в бок десятками обжигающих уколов. Оглушенный столкновением с землей, Глокк закашлялся, перед глазами повисла темная пелена. Запах кислоты на дне ощущался еще сильнее и разъедал ноздри.

«Нехорошо получилось».

Пошатываясь, он сумел подняться на ноги. Зрение постепенно возвращалось, но тьма не исчезла. В его руках по-прежнему был зажат длинный кусок цепи, отколовшийся при падении. Второй конец уже медленно уползал наверх. Глокк провел рукою по месту удара. На ладони остались тонкие кровавые полосы. Значит, все не так уж и плохо.

– Нужно избавиться от браслетов, – прошептал он себе и лязгнул цепочкой, что сковывала руки, но вдруг осекся. В тенях со всех сторон копошились серые очертания. Местные прибыли. Забава началась.

Первый бросился на него, размахивая дрыном. Увернувшись, Глокк ухватился за основание дубины и вырвал ее из рук нападавшего. Пнув его вдогонку, он, почти не глядя, наотмашь ударил второго подоспевшего дикаря и размозжил его череп. С жутким хрустом ломающихся костей тот повалился, проливая кровь и мозги на скалы. Третий прыгнул с уступа, со стороны стены, прямо на плечи богородному. Выродок вцепился Глоку в лицо и пытался пальцами добраться до глаз. Спокойно, будто пушинку, богородный стащил с себя противника и швырнул в сторону.

Навстречу выбежал бугай с факелом. Его вывалившиеся из орбит глаза сверлили нового узника. Криво скалясь беззубой улыбкой и размахивая горячей лучиной, детина приближался к Глоку.

Тот ухмыльнулся. Он несколько не уступал сопернику в размерах и не страшился безумца. Сжав оружие стальной хваткой, богородный прыжком приблизился к здоровяку и одним ударом проломил ему колено. С чавкающим звуком нога детины неестественно изогнулась, и он рухнул на землю, истошно вопя писклявым голосом. Добив его босой пяткой, Глокк повернулся к следующему противнику.

Этот выглядел посерьезнее остальных. Выше Глокка почти на голову, жилистый и ловкий, облаченный в лохмотья дикарь медленно приближался, выпятив в ухмылке ряды гнилых зубов. В его руках блестела сталь. Не меч, но нечто подобное. Мерзкий оскал озарил его рябое лицо. Отвлечшись на новую угрозу, Глокк не заметил, как сбоку из теней на него набросился еще один заключенный. В последний момент он отскочил, но выродок задел его острым краем зажатой в руках заточки. Из красной полосы на предплечье богородного, обильно полилась

кровь. Выругавшись, Глокк опустил дубину на голову нападавшему и навечно пригвоздил его к земле.

В этот момент напал рябой с «мечом». Застав Глокка врасплох, противник выбил из его рук дрын и локтем врезал по лицу. Ахнув, богородный отшатнулся и завалился на спину, запнувшись о предательски возникший под ногами камень. Распластавшись на скале, Глокк чудом успел откатиться в сторону. Послышался лязг стали и в воздух взметнулся сноп искр.

«Это было чуть ближе, чем мне нравится».

Под руки Глокку попался обрывок цепи. Он вцепился в него, вскочил на ноги и взмахнул над головой. Обломанный край цепи угодил противнику по щеке и содрал целый шматок кожи. Взревев, рябой бросился на богородного, с высоко поднятым мечом. Не теряя времени, Глокк побежал ему навстречу и, нырнув под удар, врезался плечом в грудь противника. Послышался треск ломающихся костей. Рябой выронил стальной осколок и пал на колени, храпя и булькая с каждым вздохом. Сплюнув, Глокк подошел к нему со спины и сжал его голову в крепкой хватке.

Из теней выскочило еще трое оборванцев. Глядя на них, Глокк дико загоготал и рывком свернул рябому шею, так, что его затылок обратился к новоприбывшим противникам. Те в ужасе отшатнулись. Один из них отбросил кирку, что держал в руках, и убежал в темноту тоннеля.

– Бегите к мамочке, убудки, – прохрипел Глокк и отпихнул тело рябого. – Бегите, пока я до вас не добрался!

Двое оставшихся в нерешительности застыли, переглядываясь друг с другом. Грозная фигура богородного, окруженная изуродованными телами, внушала страх. Неизвестный пришелец больше не казался беззащитной жертвой. Дрогнув, они уже собирались отступить, как из тоннелей и ходов, размахивая факелами, выбежала оголтелая толпа. Яростно шипя и плюясь, они неслись к оторопевшему Глокку.

– Дерьмо, – прошептал он и бросился прочь от преследователей.

Выбор путей к отступлению был не велик. Глаза Глокка уже успели привыкнуть к темноте, и он сумел различить впереди несколько проходов, углублявшихся в горную твердь. Однако какой из них мог его спасти, он даже не представлял. Ловко перепрыгнув через уступ, он выбрал ближайший из тоннелей и уже устремился к нему, когда услышал окрик:

– Богородный! Давай сюда!

Из узкой прорези справа, бойко размахивая рукой, высунулся мужчина. Вряд ли в логове убийц и предателей Глокк мог бы рассчитывать на помощь, но выбора не оставалось. Так или иначе, он сгинет в одном из коридоров от рук этих мерзавцев. Глокк решил рискнуть.

Позади раздался гулкий хлопок. Богородный вовремя увернулся от атаки узника, который догнал его, и нырнул в бок. Не оборачиваясь, Глокк ускорился, но силы уже начинали покидать его.

– Быстрее! Внутрь! – крикнул мужчина, завлекая его во тьму.

На полном ходу Глокк вклинился в узкую расщелину и протиснулся между скал. Камень больно врезался в грудь и спину, оставив ссадины на коже. Как только он оказался внутри, незнакомец протолкнул его вперед и подвинул огромный покатистый булыжник, заблокировав проход. Снаружи раздавались раздосадованные крики преследователей. Они тарабанили по скале, но сдвинуть преграду не могли.

Глокк устало навалился на стену и пытался отдышаться. Его спаситель тем временем копошился во тьме, пока не запалил короткую лучину. Яркий свет на мгновение ослепил Глокка, отчего он заслонил глаза рукой.

– Кто ты такой? – спросил он, силясь разглядеть незнакомца сквозь пальцы. – Откуда ты знаешь, что я богородный?

– О, ну это несложно, – хмыкнул тот. Он говорил с неприятным цокающим акцентом. – Ты смуглокожий, значит, южанин, а еще лысый и безбровый, значит, богородный от Лема. Или как мы зовем его, от Белёна. Огонь и волосы – вещи несовместимые, – он довольно хохотнул, поднимая с земли сумку. На его руках блеснули браслеты из темной стали.

Когда глаза Глокка привыкли к свету факела, он сумел рассмотреть спасителя получше. Высокий и тощий, облаченный в истрепанный и засаленный балахон, укороченный до колен, и подпоясанный обрывком веревки. Его светловатая копна грязных спутавшихся волос ярко выделялась на фоне темной щетины. В глазах залегли глубокие тени: выглядел он так, будто не спал неделями. А зеленоватый оттенок кожи явно говорил о том, что он не из этих земель.

– Хорошо, но кто же ты, Пекло тебя побори? – зло спросил Глокк, убирая руку от лица.

– Мое имя Друст, – поклонился мужчина, – и я тоже богородный, от Лира, то есть от Хлада по-вашему.

– По-нашему? Откуда ты?

– Я из далеких земель Древомарья.

«Значит, ты лесолюб. Видал таких когда-то».

– И какого черта ты забыл в этой выгребной яме? – поинтересовался Глокк, вытирая с предплечья засохшую кровь.

– Мы поговорим в другом месте, – сказал Друст и жестом предложил отправиться дальше по коридору. – Мы здесь облюбовали неплохое местечко. У нас есть еда и вода.

– У кого это у нас? – настороженно спросил Глокк.

«Не хотелось бы спастись от разъяренной толпы, только чтобы попасть на обед к шайке местных людоедов».

– У богородных! Таких же, как ты и я. Пойдем же!

Глокк кивнул.

– Ты первый.

– Как, говоришь, тебя называть? – оглянулся Друст.

– Веди, – рыкнул Глокк.

Пожав плечами, Друст повел его по узкому, петлявшему туда-сюда коридору. Горная твердь угрожающе нависала над головой и то и дело придавливала их к земле. Сквозь тесные проемы приходилось пробираться на четвереньках. Дым от факела разъедал глаза и нос. Цепь, что сковывала запястья, мешала и цеплялась за камни и расщелины. Широкоплечий Глокк едва протискивался через смыки скал, обдирая о них кожу на руках и груди.

Но тонкий как щепка Друст, не обращая внимания на спутника, с легкостью скользил по тоннелю. Глокк проклинал чертового древомарского безумца, с каждым шагом все сильнее желая вернуться к толпе маньяков, поджидавших снаружи. Он мало чего боялся в этой жизни. Но будучи зажатым в теснине, в темноте и без возможности вдохнуть полной грудью, он запаниковал.

Провожатый вдруг исчез вместе со светом факела. Глокк ускорился, не обращая внимания на болезненные уколы выступающих камней. Продравшись сквозь расщелину, он выскочил в свободное пространство и оказался на самом краю чернеющей бездны.

– Осторожней, чтоб тебя! – вскричал Друст.

Он успел ухватить Глокка за штанину, не дав ему упасть в объятия бездонной тьмы.

– Ох, – судорожно вздохнул Глокк, в ужасе отпрянув от обрыва. – Мог бы предупредить, безмозглый идиот!

– Хорошо же ты благодаришь своего спасителя, – покачал головой Друст и поднял два пальца, – дважды спасителя.

– Заткнись, дремучий шаман, – прохрипел Глокк, пытаясь отдышаться. – Знаю я ваши древомарские штучки. Я не просил спасать меня.

– О, ты знаешь, что я шаман? Значит, тебе довелось повидать нашего брата, – заключил Друст. – Надеюсь, ты остался доволен знакомством.

«Умираете вы так же, как и все остальные. Истекая кровью и дерьмом».

– Веди дальше, – буркнул Глокк.

За долгую жизнь богородному довелось много где побывать. И много кого прикончить. Но лишь однажды, оказавшись на краю далекого Древомарья, этого замшелого, пропахшего лесом и тайнами места, он зарекся больше не иметь дел с его чокнутыми обитателями. Однако судьба вновь свела его с одним из таких.

Смерив спутника недовольным взглядом, Друст пошел по тропе вдоль пропасти. Он шел быстро и уверенно, чего нельзя было сказать о Глокке. Здоровяку пришлось пробираться боком по узкому пути, медленно переставляя заledenевшие ноги. Страшась свалиться с обрыва, богородный вжался в твердь холодной скалы. Он не видел, но нутром чувствовал, насколько велика и обширна раскинувшаяся перед ним бездна. Над пустотой ощущались порывы прохладного ветра, которые доносили едва слышные всплески воды.

– Что это? – спросил Глокк, силясь различить далекие звуки.

– Там внизу подземная река, – бросил через плечо Друст. – На ее берегах мы и живем. Там есть еда и вода.

– И что же вы жрете, сидя под горой? Камни?

Шаман раздраженно посмотрел на него.

– Меньше вопросов. Скоро ты сам все увидишь.

Путь сквозь тьму продолжался бесконечно долго. Глокк сильно отставал от провожатого, отчего тот то и дело останавливался и подгонял гиганта самой отборной бранью. Глокк представлял, что однажды нагонит шамана, разmozжит его безmozглую башку о скалы и сбросит его тощее никчемное тело в зияющую пропасть.

«Тут хотя бы не воняет кислятиной».

Воздух и правда посвежел, но все еще пах тьмой и сыростью. Тропа тем временем немного расширилась и начала опускаться. Ее поверхность стала влажной и скользкой. Проклинающая поганую Черную яму, Глокк впивался пальцами в скалы, как мог, чтобы не скатиться. Сковывавшая руки цепь сильно осложняла его попытки устоять на ногах. От постоянного напряжения ныли мышцы. От давящего мрака разболелась голова. С каждым шагом внутри все сильнее закипала ярость, и не будь на нем проклятых браслетов, Глокк давно бы взорвался яркой вспышкой и отогнал темноту и отчаяние. Но бурлящий гнев вскоре затих, не находя ответа от заглушенных зачарованными узами богородных сил. Хотелось, наплевав на осторожность, броситься вперед, убраться подальше от скалы. Немой звон в ушах сводил с ума.

– Тебе, наверное, сейчас жутко плохо, – хмыкнул Друст, который дожидался Глокка внизу тропы. – Ты богородный от Лема – Великого Бога солнца! Но в этом царстве нет солнца. Нет света. Только тьма и сырость. Но скоро тебе станет получше. Мы почти добрались, пошевеливайся.

«Скоро я доберусь до тебя, ублюдочный шаман».

Факел его в руках почти догорел и превратился в слабо теплящийся уголек. Его свечения едва хватало, чтобы разглядеть тропу под ногами. Глокк ощутил под босыми пятками мягкий мох. Бесцветный, больше похожий на мелких червей, он покрывал тропу и основание каменной стены бархатным ковром.

– Что за чертовщина?

К удивлению Глокка, когда огонек факела погас, тьма не окутала все вокруг. Стены бесконечной пещеры вспыхнули яркими зеленоватыми красками. Они покрывали неровности скал тонкой паутинкой и тускло мерцали. Но чем ниже они спускались, тем ярче становился их свет. Вскоре тропа вывела к обрывистому берегу реки. Глокк без сил повалился на колени и вгляделся в отражения таинственных огней на водной глади. Течение реки было медленным

и спокойным. От нее исходил едва видимый пар, подхватываемый дуновениями ветра. Глокк подполз к краю, сунул ладони в воду и ощутил приятное тепло. Волнами оно растеклось по ноющему телу. Облегченно вздохнув, богородный зачерпнул сладковатой воды и напился вдоволь. Затем наспех отмылся от крови и грязи и поспешил за Друстом. Наглый шаман не стал дожидаться, пока спутник переведет дух, и отправился дальше по течению.

Глокк нагнал его у причудливых кустарников, пестрая полоса которых проросла вдоль всей скалы. Их листья сияли изумрудом и слабо покачивались будто живые. В траве роились яркие точки невиданных насекомых. Над головой пронеслось два огонька, кричавших друг другу певучие трели.

«Что это такое? Я, наверное, упал со скалы и сдох».

Богородный протер глаза, не в силах поверить в представшую перед ним картину: река вывела их в просторную долину, разместившуюся в огромной пещере. Под далеким, едва различимым сводом, мерцал зелеными и голубыми огнями гигантский кокон из переплетенных корней и ветвей. Его пульсирующее свечение разносилось по всей долине подобно маленькому солнцу. Лучи призрачного света падали на дикую тенистую пушу, состоящую из странноватого вида вытянутых деревьев с синими листьями-ветвями и гигантских грибов. Лес кишел звуками и запахами. Что-то рычало. Кто-то визжал. Невидимые птицы стрекотали среди темных крон. Легкий ветер нес с собой мириады крохотных огоньков и пылинок.

– Ну? – усмехнулся Друст, глядя на ошеломленного Глокка. – Каково? Я же говорил, тебе станет лучше.

Глокк вертел головой, всматриваясь в каждую тень.

– Что это за место, Пекло меня поберет? – прошептал он.

– Оно называется Сердцем мира. Говорят, это всеми забытое царство тени раскинулось под всей земной твердью. У нас в Древомарье есть множество проходов под его сени. Но сам впервые оказался так глубоко.

– Как давно ты здесь? – спросил Глокк, повернувшись к шаману.

– Достаточно, чтобы изучить эту долину вдоль и поперек. Будь начеку, здесь небезопасно.

Друст уверенно отправился вдоль реки, вторя изгибам ее берегов. Он петлял по едва видимой тропинке, старательно обходил причудливые деревья и жутковатого вида кустарники. Вступив под сень таинственного леса, Глокк ощутил духоту и сырость, совсем как в джунглях на юге Хармата. Только пахло здесь иначе. Во рту появился сладковатый железный привкус. Глокк поморщился и сплюнул на синие листья ближайшего дерева. Те вдруг с хлопком втянулись в ствол, подняв в воздух облако мерцающей пыли. Глокк отшатнулся, приготовившись к бою, но в этот момент его рот и нос накрыла ладонь Друста.

– Не дыши! Скорей за мной!

Шаман побежал дальше по тропе, увлекая спутника за собой. Остановившись посреди прогалины, он гневно посмотрел на Глокка.

– Правду говорят! Чем шире руки, тем меньше мозгов! На хрена ты потревожил деревья?

Глокк насупился.

– Что не так, чертов лесовик?

– Некоторые деревья защищают свои листья, выбрасывая ядовитую пыль. Вдохни ее – и ты уже не жилец! – яростно жестикулируя, объяснил Друст. – Ты чуть не угробил нас обоих, дубина!

Рассвирепев, Глокк подскочил к провожатому и схватил его за грудки. Сжатые добела пальцы захрустели, когда он поднял шамана над землей и хорошенько встряхнул. Бросив его под ноги, Глокк присел возле головы Друста и тихо прорычал:

– Следи. За. Языком. Червяк. Иначе ты будешь жрать эту пыль, пока она из всех щелей не ползет.

Побледневший Друст сжался, как цветок перед скалой.

– Я...я...

– Ты меня понял?

– Да, – пискнул Друст. – Да, я все понял.

Великан встал на ноги и за шкирку поднял перепуганного шамана.

– Меня зовут Глокк, – бросил он, не отпуская его ворота. – Так зовут человека, который прервет твою жалкую жизнь быстрее, чем ты успеешь подумать. А теперь води меня в гребаный лагерь.

Друст сглотнул и засеменил по тропе, не оборачиваясь на спутника. Он не проронил ни слова до самого конца пути.

«Наверху, наверное, уже вечер. Если не ночь».

Глокк был привычен к долгим переходам по диким землям. Он прожил не одно столетие, и почти всегда находился в бегах. Прирезав или спалив кого-нибудь в одном месте, он перебирался в другое и обитал там, пока не приходилось уходить дальше. Когда умирали те, кто про него помнил, он возвращался в старые места. И так по кругу.

Однако последние несколько дней, с момента его пленения, выдались трудными. И сегодняшний его просто добил. Его валило с ног от усталости. Голод сводил с ума. Как и безмолвные путы браслетов, что сковали руки ледяной хваткой. Богородный дар жалобно пищал где-то внутри, не в силах найти выхода. Казалось, еще немного, и он навеки покинет Глокка. От этого наваждения хотелось выть и ломать чьи-нибудь черепа и спины. Богородного трясло как при лихорадке. Он уже подумывал сорвать злость на Друсте, когда тот вдруг остановился посреди лесной прогалины и повернулся к нему.

– Мы пришли, – сказал шаман.

На самом краю реки стояли две гигантские каменные плиты, поваленные друг на друга. В их тени теплился огонек очага. Пахло чем-то жареным. Доносились тихие разговоры и споры. Один из говоривших, темнокожий и рослый, как Глокк, что-то объяснял собеседнику, который скрывался в тенях. Еще один копошился у речки, облезший, едва шевелившийся старик в грязной тунике. Все место было освещено ярким голубоватым свечением, исходящим от толстых личинок, облепивших скалы. Увлеченный спором темнокожий исполин схватил одну из тех, что тушились на костре, и отправил себе в рот с мерзким хрустом.

– Это и есть ваша еда? – хохотнул Глокк.

Услышав его, спорящие замолчали. Из теней вышел еще один обитатель убежища. Белокурый, высокий и статный, с гордыми чертами лица и презрительным взглядом. Впалые щеки поросли длинной грязной щетиной, придав ему вид бродяги и скитальца. Истрепанный камзол с оборванными нашивками на рукавах выдавал в нем благородное происхождение. На его запястьях, как и у всех прочих, было видно черное серебро браслетов, что глушили связь с даром.

«Важный, наверное, был хер, да только теперь он смахивает на нищего оборванца».

– Мы питаемся тем, что дает нам это место, – задрал нос, сказал «важный хер». – В отличие от жрущих друг друга отбросов из Ямы.

Глокк прошел ближе и осмотрел его с головы до ног.

– Даже ты, твое сиятельство? – с насмешкой спросил он.

– Даже я, – ответил «важный», и вдруг округлил глаза, словно увидел призрака. – Я тебя знаю!

– О, неужели, – беззаботно бросил Глокк и присел на камень возле убежища.

Он схватил присосавшуюся к скале личинку и смело откусил от нее половину. От омерзительного привкуса, Глокка затошнило. Он с усилием проглотил личинку, стараясь сохранять невозмутимое выражение лица.

– Ты знаешь меня как друга или врага? – спросил Глокк, посмотрев исподлобья на «важного».

– Как врага, – ответил тот и чуть притопнул ногой.

Глокк безудержно рассмеялся. Из его рта в разные стороны полетели синие брызги, дождем окатив собеседника.

– Брехня! Будь ты моим врагом, давно кормил бы червей в земле.

«Важный» отряхнул замызганный соком камзол, будто тот стал бы от этого чище, и подошел вплотную к пришельцу.

– Ты – Глокк, – прошипел он. – Проклятый наемник. Пират. Убийца и насильник. Помнишь, что было в восемьсот пятьдесят третьем?

– Послушай, твое высочество, – небрежным тоном сказал Глокк, поудобнее устраиваясь на камнях, но при этом готовый вскочить в любой момент, – для меня цифры мало что говорят. Может, напомним? Чем же был примечателен восемьсот пятьдесят третий?

– Погромом в фактории Алекабро!

– Хмм, – призадумался Глокк, почесывая подбородок, – это то сборище лачуг на берегу Южных морей? Было дело, было. Знатную пирушку мы тогда закатили. А тебе что с того?

«Важного» трясло от гнева. Чем сильнее Глокк его задирал, тем яростнее он стискивал кулаки. Его глаза медленно наполнялись кровью.

– Я командовал гарнизоном фактории! – крикнул он.

Глокк расхохотался.

– Херовый же из тебя командир, если шайка пиратов перевернула твой убогий городишко всего за одну ночь!

«Важный» не вытерпел. Взыв, он бросился на Глокка и попытался впиться в его шею. Но великан давно этого ждал. Ловко извернувшись, он схватил «важного» за руки, резко дернул и уронил на скалу. Тот охнул, врезавшись лицом в камень, но попытался подняться. Глокк был быстрее. Он уселся на спину поверженному врагу и пригвоздил его голову локтем к земле.

– Мне ничего не стоит оборвать твою никчемную жизнь, – рыкнул он в ухо противнику. – Так скажи мне, твое высочество, почему я не должен этого делать?

– Сукин ты сын! – плевался в камень «важный». – Собачье отродье! Ты изнасиловал и убил ее!

– Что ты там бормочешь?

– Ты изнасиловал и убил мою жену! Я столько лет искал тебя! Я посвятил жизнь твоим поискам, ублюдок! Лучше убей меня, иначе, клянусь, я разорву тебя, падаль!

Глокк, слушая его, огляделся. Остальные богородные окружили их, но не смели вмешиваться в перепалку. Тяжело вздохнув, богородный поднял за шкуру «важного» и грубо усадил его на камни. Тот попытался вырваться, но жесткий удар локтем, быстро усмирив его пыл. Бедолага схватился за разбитый нос и гневно посмотрел на обидчика.

– Как тебя зовут, ваше, мать твою, благородие? – спросил Глокк, удерживая его за ворот камзола.

– Деллен, – захлебываясь в крови, просипел тот. – Деллен де Ла Фер.

– Значит, и правда высокородный, – усмехнулся Глокк, но вдруг посерьезнел. – А теперь послушай меня, Деллен-де-ла-хер-знает-кто. Я в жизни не насиловал женщин! Да, убивал. Убивал много. Прикончил народа столько, что хватит заселить сотню жалких деревушек, таких как твое гребаное Алекабро. И они, сука, снятся мне! Снятся, когда я сплю! Я вижу их чертovsky выпученные глаза, полные ужаса. Моя рожа была последним, что они видели перед смертью. И теперь, в отместку, они преследуют меня по ночам! – Глокк схватил Деллена за волосы на затылке и собрал их в кулак. – Но женщин я пальцем не трогал, если они того заслуживали. Никогда. Тем более не насиловал. Запомни это, и подумай, прежде чем еще раз посмеешь броситься на меня, безмозглый ты идиот.

Он с силой отшвырнул Деллена прочь от себя. Мужчина свалился с камня и распластался на земле у реки. Откашлявшись, он перевернулся и поднялся на четвереньки. С его лица капали кровь и слезы. Гневно взглянув на Глокка, Деллен прохрипел сквозь всхлипы:

– Ты лжешь! Уцелевшие говорили, что мою... мою жену силой взял гигантский лысый пират!

Богородный снова рассмеялся и подошел к Деллену.

– Того, о ком ты говоришь, звали Бегемотом, – сказал Глоkk. – Он был тем еще отбросом. Я лично прикончил этого ублюдка, через несколько дней после погрома. Твоя жена отомщена. Ты гонялся всю жизнь не за тем человеком.

– Лжешь!

– Ты мне можешь не верить, но мне легче было убить тебя, чем объяснять все это дерьмо.

Деллен затих. Он сел на берегу реки и тяжелым взглядом посмотрел на водную гладь. Глоkk, сам не понимая зачем, плюхнулся рядом.

– Мне не вернуть твою жену... как там тебя...

– Деллен, – тихо отозвался тот.

– Точно. Деллен. Знаешь, Деллен, я совершил много чего, о чем давно сожалею. И мы можем вечно сидеть и реветь как бабы у реки или взяться наконец за дело, и придумать, как выбраться из этого проклятого места. Что скажешь?

Мужчина неуверенно кивнул.

– Я... Пожалуй, ты прав. Пойдем. Познакомлю тебя с остальными. И кстати... сырыми этих личинок есть нельзя. Скоро ты не вылезешь из кустов, дубина.

Глоkk рассмеялся и весело вдарил Деллену ладонью по спине, от чего тот чуть не свалился в воду.

Ветер в парусах

Это был обычный воскресный вечер.

Дым табачного зелья застилал воздух в пропахшей пивом и грязью таверне. Трубки самых причудливых форм торчали из бородатых, беззубых, кривых ртов постояльцев. Каждый старался перещеголять соседа самой диковинной трубкой: у одного изогнутая в рог, у второго украшена росписью в виде черепа. У того одноглазого и то хлеще – с золотым орнаментом и рубиновой россыпью.

Эль лился рекой. Весь пол был заляпан плевками и пролитыми напитками. Отовсюду доносились смех, брань, споры и угрозы. Мужичье гоготало и налегало на кружки после очередной партии в кости. Пышногрудые бабы и портовые куртизанки сновали между столов и предлагали себя стремительно пьянеющим морским волкам. Женщины визгливо брыкались от щипавших их за задницы моряков и гортанно смеялись, косясь украдкой на толщину их кошельков.

Возле стойки, где суетился хозяин сего чудного заведения, надрывались двое юнцов с флейтой и скрипкой. Но за шумом и гамом их почти не было слышно. Время от времени хлопали двери и в забитую народом таверну заваливались новые посетители. Становилось тесно и душно.

В общем, это и правда был самый обычный воскресный вечер.

Крейг сидел за столом в углу таверны и расслаблено наблюдал за барахтавшимися рядом пьяницами. Что может быть более умиротворяющим, чем кружка пенного и веселая компания вокруг тебя? Завтра его ждет новое плавание, которое должно принести кучу звонких монет. Крейг закатал рукава расписного кунтуша, чтобы хоть немного охладиться от проклятой жары, и приложился к чарке. Он бесстрашно налегал на эль, совершенно не заботясь о завтрашнем отплытии. Ведь его верный старпом Тик сидел напротив и с хмурым видом потягивал кислое козье молоко, да ковырял ножом слой грязи на столе.

– Мистер... Т-ик! – неожиданно для себя икнув, спросил Крейг. – Почему же вы не пьете более благородные напитки?

Старпом пригубил из кружки. Он с грохотом опустил ее на стол и сурово посмотрел на капитана.

– Хм-м. Кто-то же должен быть трезвым, чтобы наша вшивая посуда смогла хотя бы выйти из гавани, – прохрипел он и почесал седоватые заросли бороды.

– Брось Тик, – всплеснул руками Крейг. Из зажатой в кулаке кружки обильно пролился эль и хлынул на спину проходившей мимо куртизанке.

– Козел! – крикнула та, гневно выпучив чересчур накрашенные глаза.

– Да-да, иди уже... куда шла, – отмахнулся капитан, и продолжил: – Все будет прекрасно, мистер Тик, мы же не в первый раз в море!

– Осмелюсь заметить, капитан, – буркнул старпом, – не будь меня на корабле, вы бы давно уже кормили угрей на дне.

Мимо стола прошли грудастые дамы в пышных длинных юбках, подобранных так, что взору открывались загорелые ноги и белые панталоны. Они кокетливо улыбались Крейгу, а одна зазывающе подмигнула и поманила его пальцем за собой.

Капитан зевнул.

– Снова ты за свое? Возьми себе одну из этих прекрасных барышень!

– Хм-м, чтоб потом у меня на причиндалах оказался букет со всего Цивиса? – косясь на баб, буркнул Тик. – Нет, спасибо. Обойдусь своими силами.

– В этом ты горазд, мистер Тик, – фыркнул Крейг и подлил из кувшина эля. – В этом ты мастер.

Тик пропустил мимо ушей его насмешки и наклонился ближе:

– Вы так и не сказали, что за груз мы везем, капитан.

– Вино, мистер Тик. Вино.

– Вино? – воскликнул старпом. – И ради этого столько таинственности?

– Тише ты, старый осел! – шикнул Крейг. – Для секретов есть причины.

– Хм-м. Это какие же «причины», – шепнул Тик, озираясь по сторонам. Окружающие занимались поглощением выпивки и спорами и не обращали внимания на шепчущихся пиратов.

Крейг с задумчивым видом потерел кольцо в ухе. Его взгляд вдруг посерьезнел.

– Помнишь, в начале лета, когда мы прошлый раз заходили сюда, в Цивис?

– Ну, помню, – кивнул Тик. – После мы отплыли в Техноград и на полпути нарвались на рейд султанских псов. Еле ушли от этих чернокожих ублюдков!

– Именно так. В тот день ко мне обратился один...аниматель. Он посулил солидную сумму за то, чтобы я без лишних вопросов доставил груз в столицу.

– Хм-м. И вы, капитан, согласились, – смекнул старпом. – Так вот откуда у нас тогда взялись деньги на новый такелаж!

Крейг улыбнулся и схватил чарку.

– Старые снасти совсем прогнили.

– Дурья ты башка, капитан! На кой ляд ты связался с непонятным хером и втянул нас в очередную авантюру?

– Не ворчи, строптивая дева, все ведь живы-здоровы, – отмахнулся Крейг. – Неужели ты думаешь, что я не заглянул украдкой в ящики? В них хранилось самое обыкновенное вино. Так что ничего страшного. Может, оно ворованное...но ведь нам не впервой возить награбленные пожитки.

– Ни одно, даже ворованное, вино, не стоит таких денег, – покачал головой Тик. – Теперь мне кажется, что то нападение произошло неслучайно.

– Ты стал слишком стар и впечатлителен, мистер Тик.

– Хм-м. Ну и теперь что? Новая партия этого секретного вина?

Крейг кивнул:

– И на тех же условиях. Мы просто прибываем в Техноград. Разгружаемся. Получаем денежки. И валим на все четыре стороны!

– А отказаться еще не поздно, капитан? – взволнованно спросил Тик, перебирая пальцами по столешнице.

– Я уже взял аванс, – Крейг похлопал по кожаной сумке за плечом. – И не волнуйся: я проверил ящики. Просто вино, мистер Тик. Всего лишь довести двадцать ящиков – и мы богаты! Я когда-нибудь нас подводил?

Тик рассмеялся, широко раскрыв полную золотых зубов пасть, и чуть не свалился со скамьи.

– Давали бы мне по хаггарскому реалу за каждую заварушку, в которую мы оказывались втянуты по твоей милости, – утирая слезы, сказал Тик, – я бы давно жил с красоткой-мулаткой в своем доме на берегу моря.

– Твоя «красотка-мулатка» на твоей правой руке, мистер Тик! – поднял чарку Крейг. – А теперь дуй на корабль и готовься к отплытию. Скоро нас ждут звонкие монеты. А там, глядишь, и домик на берегу моря!

Они ударились кружками и осушили их до дна.

– Ух, хорош же тут нынче эль! – воскликнул Крейг и вытер рукавом пену с усов. – Ты со мной, мистер Тик?

– Хм-м, – задумчиво почесал бороду старпом. – Боюсь, я должен вас расстроить, капитан.

Крейг встревожено наклонился к собеседнику.

– Чем же?

Тик рассмеялся и хлопнул капитана по плечу

– Эль тут как был мочой, так и остался! Конечно, я с тобой, Крейг, чтоб меня черти заели! Капитан облегченно вздохнул и откинулся к стене.

– Проваливай уже на корабль, старая ты сухопутная крыса.

Бешеный поток ледяной воды вырвал Крейга из сна. Казалось, на него пролился целый водопад. Прозвенел испуганный женский крик. Захлебываясь и судорожно хватая ртом воздух, Крейг подскочил на ноги, но поскользнулся и свалился обратно на деревянную пристань, где он, устроившись на сетях и бочках, проспал всю ночь. Капитан протер глаза и увидел нависшего над ним Тика, который держал в руках пустое ведро.

– Твою мать, мистер Тик! – проворчал Крейг.

– Нечего было всю ночь кутить непонятно с кем, – усмехнулся старпом, кивнув в сторону бочек.

– А? – недоуменно округлил глаза капитан и обернулся.

Из сетей, прикрывшись мокрым платьем, выбиралась обнаженная девушка. Она бросила злобный взгляд на мужчин и потопала по пристани в сторону города, покачивая влажными ягодицами.

– Прощай, красотка! Мне понравилось, – бросил ей вдогонку Крейг.

– Надеюсь, вы с этой муреной не целовались, – посмеиваясь, сказал Тик. – Собирайтесь, капитан, пора отплывать.

Крейг рассеянно кивнул и полез по снастям в поисках одежды. Из-за горизонта показались первые солнечные лучи, когда он, потрепанный и не выспавшийся, взошел по сходням на корабль. Подъем на судно вышел той еще задачкой. Капитана шатало, словно он оказался посреди бушующего шторма. Пришлось приложить недюжинные усилия, чтобы не свалиться в воду. И все же он сумел добраться до палубы своей старушки.

Когда-то величественная и непревзойденная шхуна «Анна Луиза» ныне совсем потемнела от времени и пережитых невзгод. Тут и там виднелись следы заплат на корпусе. Краска синих и белых оттенков давно облупилась, оголив дерево бортов. Дно поросло тиной и ракушками. Посеревшие старые паруса уныло хлопали на ветру в ожидании нового путешествия. Зато свеженький такелаж ярко сиял на их фоне, пестрой лентой расчертив весь корабль – от верхушек всех трех мачт и до самой палубы.

Крейга трясло. Можно было не сомневаться: стоит выйти в море и останки вчерашней пирушки запросятся наружу. Его мутило от одной только мысли об этом. Он впился дрожащими руками в перила, что обрамляли полуюту, и хмуро оглядел суетившуюся по палубе команду. Славные морские волки, как он их иногда называл, едва живые после прошедшей ночи, бессильно готовили паруса к отплытию.

– Хм. Вы совсем расслабили команду, капитан, – буркнул стоявший у руля Тик. – Эти бабенки едва на ногах стоят.

– Как и их доблестный капитан, – просипел в ответ Крейг. – Все на месте?

– Да, я уже провел поверку. Все тридцать семь безмозглых вояк на борту. Недосчитался только новенького юнца-южанина, но он подоспел позже.

– Салагой нужно будет заняться, мистер Тик, – сказал Крейг, стиснув перила так, что его пальцы побелели.

– Тут всеми нужно заняться, – хмыкнул под нос старпом.

С палубы к ним обратился один из матросов, следивший за уборкой сходней:

– Капитан Хали! Мы готовы к отплытию!

– Благодарю, мистер Хиггс! – махнул рукой Крейг и повернулся к старпому. – Отплываем.

– Отплываем! – прокричал на всю палубу Тик.

Спустя пару часов, в свете восходящего солнца, «Анна Луиза» гордо расправила паруса и устремилась на северо-запад. Путь до материка не займет много времени: между Цивисом и Техноградом пролегал узкое море, которое при попутном ветре можно было осилить за парутройку дней.

Крейг сидел на лавке в корме корабля, глядя на стремительно таявший вдали Цивис. Славный вольный город блестел им вслед золотыми крышами и куполами. Крейг любил возвращаться сюда. Его манили душные, засыпанные песком улочки, полные опасностей, приключений, торговцев, воров, мошенников и готовых на все красоток. Ведь где, как не здесь, можно было разжиться по-крупному? И даже темные сомнительные делишки не пугали бывалого морского волка. Оттого и покидать этот город было каждый раз тяжело.

– Благодарю, мистер Хиггс, – кивнул Крейг боцману, принимая из его рук кувшин с холодной водой. – Мистер Тик, что там на горизонте?

– Хвала титькам сирены, океан, – ответил стоявший у руля старпом. – Хм-м. Ветер вот только попутным не назвать, так что я распорядился расправить все паруса.

Крейг посмотрел на вереницу косых парусов. Полотна скрипели от натяжения. С юга дул сильный ветер, норовивший отклонить корабль с курса. Тик крепко держал штурвал, не давая судну менять направление. Бугры его мышц перекатывались под легкой засаленной майкой при каждом движении. Крейг невольно восхитился выучкой старого моряка. Там, на суше, мужчины в его возрасте уже ходили под себя. Но Тик, отдавший жизнь морю, не собирался превращаться в старую калошу. Крейгу очень повезло встретиться с таким, как Тик. Лучшего старпома, готового стойко терпеть его выходки, и представить трудно.

Капитан прилег на лавке и стал наслаждаться шумом ветра и всплесками волн. Когда боцман покинул мостик, он повернулся к старпому:

– Почему ты думаешь, что этот груз грозит нам проблемами, Тик?

– Хм-м... От него пахнет дерьмом, капитан, – хрипнул тот. – Ты же знаешь, Крейг, мое чутье меня редко подводит. Что-то тут нечисто. Да и вспомни, когда последний раз на нас в этих водах кто-нибудь нападал?

– Ты все поминаешь тех харматских вырожденков? Да-а, море должно быть спокойно. С тех пор как разбили флот богородного пирата, лет сто с чем-то назад, здесь больше не происходило крупных стычек. Как там его звали? Зверем? Ублюдок держал в страхе все Южное море... – Крейг задумчиво потер лоб, рассматривая синие волны. – Да и корабли султана почти не заходят сюда. Так причем тут наш груз?

– Я не знаю капитан! – воскликнул Тик. – Зачем им устраивать рейд именно на нас? Да еще в этих водах? Крейг, неужели только я один на всей этой гнилой посудине вижу тут связь? Почему кто-то в тайне фрахтует судно на перевозку обыкновенного вина? Да будь оно украдено хоть из погребов Совета Вольных городов, да хоть из задницы Королевы – все равно это слишком странно, учитывая, сколько денег они готовы отвалить. Иной раз, за целый год плавания мы не поднимали столько монет, сколько получили тогда, – Тик повернулся к капитану и прищурился, – даже с учетом того, сколько ушло тебе в карман.

– Да брось, – ничуть не смутившись, ответил Крейг, – просто привезти-увезти...

– Капитан, морские черти тебя раздери! – прошипел старпом. – Мы даже пошлины в порту в тот раз не платили. И, насколько я могу судить, нынче будет так же. Я прав?

Крейг раздраженно поднялся с лавки и подошел к Тику.

– Старая развалина, все-то ты заметишь! – процедил он сквозь зубы. – Да-да! Пекло тебя побери, ты прав. Во всем! Может мне отдать тебе свою капитанскую печать и пойти драить палубу вместе с остальными?

– Не стбит. Можешь остаться старпомом, – хохотнул Тик и отвернулся в сторону моря. Он немного отклонил корабль к югу, чтобы вернуться на курс. – Просто давай будем наготове. Что-то назревает. Ветер несет много соли с юга. Где-то сегодня прольется кровь.

– Будь по-твоему, – кивнул Крейг, – я скажу Хигтсу, чтобы вооружил...

– Корабль! – донесся крик юнги, стоявшего на носу. – Корабль! Приближается с юга!

– Бесы вас раздери! – воскликнул Тик и стал разворачивать шхуну навстречу угрозе.

От резкого поворота вся команда попадала на палубу. Крейг вцепился в перила. Устояв, он дотянулся до прибитого к доскам сундука, извлек телескопическую трубку с увеличительными стеклами. Капитан поднес устройство к глазам и изучил неизвестное судно. Вдали грозно возвышался над водной гладью корабль с покрытыми темным лаком бортами. Полотна его таких же черных прямых парусов надулись от ветра. На флагштоке одной из мачт реял красный вымпел. Присмотревшись, Крейг повернулся к команде и воскликнул:

– Бриг под Харматским флагом! Приготовиться к бою!

– А я тебе, сука, говорил! – взревел Тик. – Говорил! Султанские ублюдки снова нас как-то нашли. Я как чуял.

– Нахрена ты развернулся к ним, старый безумец?

– Ты хочешь снова испытать удачу в бою, капитан? Это чертов бриг! И он идет на попутном ветре! Он нагонит нас в два счета.

– И что ты задумал? – через плечо спросил Крейг, доставая из-под лавки свою короткую абордажную саблю.

– Ты будто первый раз в море! Я буду лавировать, меняя галсы. Против ветра у нас больше шансов оторваться.

– Сначала нужно обогнать их. И я сомневаюсь, что они дадут нам это сделать.

– Эти людоеды не умеют плавать, капитан, – воссиял беззубой улыбкой Тик. – А я родился в море! Я их сделаю!

– Черт бы тебя побрал, мистер Тик, – прошипел Крейг и подбежал к перилам. – Соберитесь, дамы! Мы будем уклоняться. Готовьте бортовые щиты, нас ждет знатный обстрел. Лучники к оружию! Мистер Хигтс! Тащите сюда бочки с маслом! Сожжем этих черных ублюдков!

Ликуя, воодушевленная команда заметалась по палубе. На бортах по обе стороны поднялись высокие деревянные панели, за которыми можно было укрыться от обстрела. Боцман раздавал указания и гневно прикрикивал на самых медлительных. Его помощники подняли из трюма несколько бочек с маслом и подготовили жаровни. В руках моряков, выстроившихся под щитами, появились короткие жесткие луки. Остальные бросились к снастям, готовые поменять положение парусов по первому слову капитана.

На корабле противника тоже было заметно оживление: команда готовилась к бою. Курс брига лег наперехват «Анны Луизы», но старпом лишь ошалело улыбался.

– Наконец-то развлечемся! – прикрикнул он, свирепо сжимая рукоятки рулевого колеса.

– Да, мистер Тик! – ликовал Крейг. – Вот теперь я узнаю старого морского дьявола!

Корабли быстро сближались. Тик вел «Анну» наискось против ветра. Старушка стремительно набирала скорость. Паруса стонали, готовые вот-вот порваться от напряжения. Ленточки вымпелов стрекотали как рой бешеных птиц. Команда замерла в ожидании первых выстрелов. Когда до столкновения оставались считанные мгновения, Тик взревел:

– Держись!

Он резко крутанул колесо и увел шхуну влево от неприятеля. Корабли прошли рядом друг с другом, едва не соприкоснувшись бортами. Команды обменялись стрелами. Десятки снарядов звонко прошли соленый морской воздух. Бортовые панели ошетинились пестрыми горящими иголками, но не сдержали всего их потока. С обеих сторон попадали убитые моряки. С брига доносились харкающие проклятья на чужом наречии. Похватавшись за тросы,

несколько бойцов перелетели бушующий между суднами океан, и спрыгнули на борт «Анны Луизы».

Тройка противников приземлилась на капитанском мостике. Не мешкая ни мгновения, Крейг встретил первого врага. Он взмахнул саблей и полоснул его по груди. Из пореза на красном камзоле харматца побежала багровая струя крови. Выронив из рук кривой длинный клинок, он свалился под ноги своим товарищам. Один из них, перепрыгнув тело, бросился к стоявшему за штурвалом Тику с высоко поднятым мечом, но Крейг подставил под удар саблю. Лязгнула сталь, взметнулся сноп искр. Враг зашипел, брызгаясь слюной. Второй тем временем подоспел к капитану и взмахнул коротким палахом. Захочотав, Крейг отпрыгнул назад и врезался в спину Тику.

Стараясь устоять на ногах, старпом яростно вцепился в рулевое колесо. Шхуна грузно ухнула и накренилась вправо, по кругу возвращаясь к брига. Сражавшиеся повалились на палубу. Старпом в ужасе подпрыгнул и ухватился за штурвал, но было поздно: «Анна» на всех парусах летела в сторону вражеского корабля, который уже развернулся к ней левым бортом.

Пользуясь моментом, Крейг подхватил саблю и пронзил спину лежавшему рядом противнику. Последний харматец бешено взревел и пнул капитана по лицу. От удара Крейг отлетел и снова выронил оружие. Извернувшись, он пополз к сабле, но в этот момент его накрыла тень: враг навис над ним и занес меч для удара. Кувыркнувшись ему под ноги, капитан выхватил хранившийся за кушаком кинжал и вогнал его под ребра противнику. Харматец захрипел, забился в конвульсиях и повалился на палубу.

Грязно выругавшись, Крейг поднялся на ноги и перегнулся через перила. На палубе кипело сражение, но малочисленные силы врага были быстро оттеснены к краю и сброшены за борт.

Крейг не успел обрадоваться победе.

Все звуки на миг притихли. Затем воздух между кораблями сотряс громopodobный грохот. Казалось, с небес упало грозное облако и взорвалось, оглушив всех защитников. С борта брига, подняв в воздух клубы черного дыма, пронеслась вереница чугунных шаров, связанных цепью и облаченных в марево из языков пламени. С треском он врезался в переднюю мачту «Анны Луизы» и следом прошил и вторую. На палубу обрушился дождь из щепок и осколков, погребая под собой всю команду. Матросы и офицеры в ужасе попадали на колени в попытках укрыться от града обломков. Обе мачты, нутужно заскрипели, повалились в разные стороны и повисли на лианах такелажа. Серые паруса с плеском рухнули в морскую пену. «Анна» опасно накренилась на левый борт под тяжестью грот-мачты, которая повалилась на тросы и веревки. Из трюма донесся грохот съехавшего набок груза.

Крейг пришел в себя не сразу. В ушах стоял дикий звон, будто его хорошенько поколотили после ночи кутежа и распутства. Закашлявшись, он перевернулся на спину и попытался разглядеть небо сквозь облако пыли и щепок. Протерев глаза, он сел и осмотрелся. Рядом под обломками и перевернутыми телами харматцев шевелился Тик. Медленно разгребая завалы, тот выбрался наружу и выплюнул кровь сквозь разбитые губы.

– Проклятье, Тик! – прокричал Крейг, едва слыша самого себя. – Что это за хрень была?

– Чтоб мне пропасть, – хрипнул старпом и подполз к капитану, – если я знаю. Может, у них там богородный сидит? Нашу старушку просто разметало в щепки! Дальше мы не поплывем.

Пошатываясь, капитан поднялся и оглядел палубу. Некоторые из членов команды уже выбрались из-под опрокинутых парусов, с ужасом рассматривали последствия таинственного взрыва.

– Почему они нас не добивают? – спросил Крейг, видя как бриг начал медленно разворачиваться в их сторону.

– Им нужен груз, не иначе, – ответил Тик, рывшийся под мусором в поисках сабли. – Они пойдут на абордаж.

– Пекло, – сплюнул под ноги Крейг и крикнул команде. – Приготовиться к бою! Противник пойдет на абордаж!

Услышав голос капитана, моряки заметались по кораблю в поисках оружия.

– Каков план, капитан? – крикнул с полубака боцман Хиггс.

Крейг хмуро зыркнул на старпома и ответил:

– Построиться! Наша единственная возможность выбраться из этого дерьма – захватить бриг! Мы не знаем сколько их. Приготовить луки и щиты. Встать по двое – один стреляет, другой прикрывает. Как только они полезут на корабль – встречайте их залпом. Ну же! Живее!

Команда суетилась, исполняя приказы капитана. Тик тем временем оторвал один из бортовых щитов и поставил перед собой и Крейгом. Он лихо посмотрел на капитана и завопил:

– За старушку «Анну Луизу»!

Бойцы поддержала его клич дерзкими выкриками, потрясая поднятыми саблями и копьями.

Бриг подошел к потрепанной шхуне с правого бока. Черные борта нависли над побежденным кораблем. Понеслись первые вражеские стрелы. С глухим стуком они втыкались в поднятые щиты и деревянные панели, за которыми пряталась команда Крейга. Вслед за снарядами полетели абордажные крюки, намертво зацеплявшиеся за борта «Анны». Когда корабли соприкоснулись друг с другом, на палубу повалили солдаты Хармата. Подобно кровавой волне, в красных расписных камзолах, они рвались в бой, гоготали и улюлюкали. Первые ряды противника быстро легли от стрел защитников. Однако следующая волна уже напирала. Грянули новые выстрелы. Не меньше десятка харматцев пало, прежде чем они сумели добраться до оборонявшейся команды «Анны». Побросав щиты и луки, brave матросы устремились навстречу врагу.

Лязгала сталь. Над местом битвы поднялся дикий ор, и казалось, что он разносится надо всей водной гладью. Крейг и Тик врубались в неровный вражеский строй. Капитан яростно махал абордажной саблей и настигал врагов один за другим. Мимо его лица пронеслось копье, брошенное кем-то с брига. Оно насквозь пронзило стоявшего за спиной капитана моряка с «Анны», войдя тому точно в грудь.

Выплывая назревшую от криков пену, Крейг наотмашь полоснул по горлу ближайшего из захватчиков и начал протискиваться к бригу.

– Крейг, стой! – рявкнул Тик, дубася навершием сабли по голове поваленного на палубу харматца.

Тик бросился было за ним вдогонку, но капитана уже оттеснили обратно новые противники. Свежие силы вступили в бой и окружили защитников со всех сторон. Команда «Анны» отчаянно сражалась за жизнь подобно загнанной в угол бестии. Ощетинившись острием сабель и копий, они не подпускали к себе врага. А тех, кто посмел сунуться ближе, сражали быстрыми и точными ударами. Окруженные, но не сломленные, они резво оборонялись, желая подороже продать свою шкуру.

– Хватить нянчиться с султанскими псами! – крикнул в пылу битвы Крейг. – Наступаем! Построиться фалангой! Стрелки в тыл! К бою!

Солдаты Хармата оказались не готовы к столь непривычному от обычных пиратов организованному сопротивлению. Команда брига может и была больше, но их жидкая атака быстро захлебнулась, столкнувшись со стеной защитников. Моряки с «Анны Луизы» медленно наступали и теснили захватчика обратно к бригу, перешагивая через убитых и раненых. Из-за «живой стены» лучники поливали остатками стрел палубу вражеского судна. Отступающие принялись рубить веревки, что связывали оба судна. Увидев это, Крейг дал бойцам команду усилить натиск.

Харматцы, осознав, что бой вскоре будет проигран, начали отбиваться с удвоенной яростью. Их силы стремительно таяли, но они начали прорывать фалангу и вытаскивать защитников из строя одного за другим. Крейг возглавил новую атаку и выскочил перед стеной щитов. Он рубил и кромсал зазевавшихся врагов, и целые фонтаны крови взмывали в воздух вслед за его саблями. Сбоку от него возник Тик, в руках которого появилась длинная палица. Размахивая ею, он сносил головы, крушил кости, ломал руки и ноги тем, кто рискнул подобраться к нему слишком близко.

Увидев своего свирепого капитана, команда погибающей «Анны» воспряла духом и с оглушительным ликованием вступила на бриг. В этот момент откинулась крышка трюма, и сквозь узкий люк протиснулся здоровенный харматец. Его иссиня-черная кожа на голой груди блестела от пота. Огромные мускулистые руки, перепачканные в желтоватой жиже, сжимали двуручный меч. Он раскрыл пасть, да так, что оказались видны десны, взревел и бросился прямо на Крейга. Взмахнув мечом, он опустил его, целясь в голову капитану. Крейг ловко отпрыгнул и врезался спиной во вражеского солдата. Тот оттолкнул его, повалил на палубу и вцепился ему в горло.

В глазах Крейга потемнело. Он выронил саблю и попытался скинуть харматца, но противник сидел как влитой и не давал ему пошевелиться. Воздуха отчаянно не хватало, дневной свет начал меркнуть. В этот момент над ними раздался новый вопль. Здоровяк обрушил меч на спину союзнику в попытке разрубить и его, и Крейга. Чудовищной силы удар раздробил харматцу грудную клетку, но клинок застрял меж позвонков.

Отплеываясь от хлынувшей на лицо крови, капитан отполз от погибшего, нащупал саблю и ринулся на здоровяка. Сверкнув сталью, он воткнул клинок гиганту прямо в живот, по самую рукоять, и как следует провернул его. Чернокожий удивленно посмотрел на своего убийцу и с грохотом рухнул на палубу.

– Крейг! – крикнул Тик. – Крейг, ты цел? Чтоб меня, я не успел!

– Жив пока, – хрипнул капитан, держась свободной рукой за саднящее горло. – Этот ублюдок чуть не придушил меня.

– Досталось тебе, – мотнул головой старпом и добил последнего врага.

Над кораблями повисла тишина. Звуки боя стихли. Были слышны лишь стоны раненых да шум ветра, игравший среди парусов. Крейг прислонился к мачте и опустил на палубу. Он с трудом втягивал воздух и пытался отдышаться. Бойцы ходили по кораблю в поисках выживших харматцев и уносили в сторону павших товарищей. Обрадованный Тик прокричал:

– Мы отбились от султанской мрази! Ахой!

– Ахой! – дружно вторила команда.

– Мистер Хиггс! – как мог со своим больным горлом крикнул Крейг. – Найдите и приведите мне капитана этой посудины. Если он еще живой.

– Да, капитан! – отсалютовал боцман и вместе с несколькими бойцами отправился прочесывать кубрики.

Крейг поманил Тика за собой и поднялся на капитанский мостик. Развалившись на лавке у правого борта, он устало взлохматил волосы. Капитан страшился посмотреть на старушку «Анну», на то, что от нее осталось. С этим кораблем его связывали десятки лет. Вместе с ней он прошел все воды известного мира: от Северного взморья, до Южных морей. И пускай бывало всякое, но в таком состоянии его шхуне еще не доводилось находиться.

Тик, будто прочитав его мысли, присел рядом и положил руку на плечо друга:

– Крейг. «Анна» прошла чересчур много волн и штормов. Ей пора отдохнуть.

– Ну уж нет, – встрепенулся капитан. – Мы ее еще поставим на воду, вот увидишь!

Тик лишь покачал головой.

Снизу донесся шум. Моряки тащили скрученного по рукам и ногам харматца, облаченного в расшитый золотом красный бархатный камзол со значками и медалями. Пленника подняли на мостик и бросили под ноги Крейгу.

– Испуганный попугай запрятался в галюне, капитан Крейг! – рассмеялся боцман. – Но мы быстро выкурили его.

– Благодарю, мистер Хиггс, – кивнул Крейг. Говорить все еще было больно.

– Мерзкие южане! Грязные псы! Вас всех повесить! Вы сгнить на дне Черной Ямы! – изрыгал проклятья харматец.

– Чудесно, – хрипнул Крейг, – ты разумеешь по-нашему. Ну, рассказывай, султанское отродье, зачем же вы напали на нас?

– Я не служить султану, грязное животное! – плюнул в Крейга вражеский капитан. – Мы обычные каперы!

– Да-да, а я спал с королевой Конкордата, – вздохнул Крейг и со злостью влепил харматцу пощечину, отчего тот повалился на пол. – Нахрена же вы тогда носите форму Харматской армии? И почему на тебе султанские знаки отличия? Думаешь, я не знаю вас, паскуд? Думаешь, мне не доводилось вешать на рее ваше харматское отребье?

– Ты сгореть в огне Пекла! – хрипнул харматец. – Можешь пытать меня, я все равно не знать ничего. Мы пришли только за грузом.

– Кто вас отправил? – не выдержав, рыкнул Тик и рухнул на колени возле пленника.

Тот безумно загоготал:

– Пошли вы, бесы!

– Твою ж мать! – воскликнул Крейг и пронзил ему горло. Клинок прошел шею и воткнулся в палубу с обратной стороны. – Сучий выродок.

Наблюдавшие за этой сценой моряки, молча стояли, не решаясь пошевелиться. Харматец медленно истекал кровью, содрогаясь в конвульсиях. Вскоре он затих.

– Капитан! – донесся крик с противоположной части судна. – Из порта идут корабли под белыми флагами. Цивис выслал подмогу!

– Хм-м...вовремя они, – буркнул измученный боем Тик. – Что теперь, капитан Крейг?

Крейг оббежал взглядом лица команды, и остановился на боцмане.

– Мистер Хиггс! – кивнул он. – Вы остаетесь на «Анне». Вам будет отдельное поручение. Остальные разделитесь на две группы. Первые займутся ранеными, вторые – начинайте переносить грузы на бриг. Похоже у нас теперь новое судно! Мы плывем в Техноград за кучей золота!

Моряки радостно закричали, выбрасывая вверх кулаки и потрясая оружием. Жизнь пирата и торговца всегда была такой. Бурной, веселой, опасной и пленительной. И нет ей конца и края, как и синей морской глади, вокруг кораблей.

– Мистер Тик, – шепнул Крейг старпому, – пойдем поищем, из чего разнесли нашу красавицу.

Новые зацепки

Ближе к утру закрапал мелкий дождь. Солнце сегодня так и не показалось из-под завесы серых туч. Бессонная ночь была полна работы и переживаний. Весь город стоял на ушах. Вести об убийстве Архиепископа разнеслись со скоростью летящей стрелы. Горожане высыпали на улицу, плакали и убивались по кончине своего кумира. Женщины рыдали, и капли слез смешивались с дождем на их щеках. Мужчины угрюмо стояли рядом с ними, не в силах поверить в происходящее. Прочие прохожие испуганно вжимались в стены, словно опасались, что неведомый убийца придет и за ними. Соборную площадь облепила толпа прихожан, удерживаемая лишь горсткой правоохранителей и часовых. Зрелище, представшее перед ними, повергало в ужас.

Ровно над входом в Великий Собор, поверх огромного треугольника Ока веры, был распят обнаженный Архиепископ Леонтий III Стирийский. Его намертво прикрепили к символу, вбив стальные клинья в его запястья. На мужчине остался лишь высокий церемониальный колпак. Грудь и плечи испещряли витиеватые символы, сплетавшиеся в устрашающий узор. Из вспоротого живота длинной лентой вывалились кишки и внутренности. Целый водопад крови, вытекший из трупа, оставил жуткий след на стене, пролился на брусчатку и образовал внушительную красную лужу перед входом в Собор.

Те, кто не мог лицезреть подобное зверство, убегали в слезах. Прочие заворожено глядели на убиенного Архиепископа, богоподобного мужа, второго после самого Поднебесья в этом мире. Его смерть казалась чем-то нереальным, противоестественным. Как если кто-то убил бы солнце или ветер. Сказать, что набожный народ Технограда был подавлен, значит, ничего не сказать. Город замер, скованный цепями страха. Каждая тень преисполнилась угрозой и смертью.

Вся Шестая и Третья канцелярии в полном составе обследовали место убийства. Маша и Баз провели всю ночь в расспросах служителей Собора о случившемся. Один из послушников поведал, что видел Архиепископа вечером после боя колоколов. Тот преклонял колени перед алтарем и о чем-то шептал сам себе. После удалился в свои покои в западном крыле Собора. Больше его никто не видел.

– Сколько послушников находилось в зале в тот момент, брат Антоний? – спросил Баз, нахмутив брови.

Наставник сидел на лавке у выхода из Собора. Он был вымотан долгой и тяжелой ночью. Под его глазами залегли глубокие черные круги. Офицер кое-как расправил измятый камзол и привел в порядок растрепанные волосы, но все равно выглядел так, будто не спал несколько дней.

– Нас было четверо, господин де Амрэ, – ответил послушник, отрешенно рассматривая каменную кладку над входными дверьми. – Я, брат Аугуст из Алекабро, брат Томаш из Ганьсберга, и тот новенький, Василий из Родии.

– Все они поведали нашим сотрудникам то же самое, – согласился Баз. – Во сколько вы обычно уходите после вечерней уборки?

– Самое позднее – около полуночи, – посмотрел на сыскаря Антоний. – Но вчера мы на удивление быстро управились. Отмыть после воскресной мессы Главную залу – дело, знаете ли, не из легких.

– Не отвлекайся, братец Антоний! – грубо одернула его Мария. Девушка тряслась от гнева и переживаний. Она ходила возле лавки и нервно сжимала кулаки. – Что еще ты можешь рассказать?

Маша остановилась перед послушником и вперила руки в бока. На ней была та же, пропахшая потом и пылью, кожаная куртка, которую она надела еще прошлым утром. Еще до всего

этого безумия. Ее ясный чистый взгляд пожелтел и налился кровью. Коса каштановых волос растрепалась по плечам, но девушку это мало волновало. В голове роилось слишком много забот, чтобы следить за внешним видом.

– Боюсь, что ничего, госпожа! – ответил испуганный послушник и посмотрел снизу вверх на девушку. – Но почему бы вам не спросить пажа? Того мальчишку на побегушках Его Преосвященства?

– Его уже допросили и наши, и сотрудники Третьей канцелярии, – отмахнулся Баз и поднялся со скамьи. – От него никакого толку. Малец ничего не знает.

Брат Антоний встал вслед за ним и расправил рясу. Оглядевшись по сторонам, послушник наклонился к сыскарю. Шепотом, так, чтобы слышала и Маша, он сказал:

– Паж врет. Боюсь, я связан обетами перед Церковью и не могу поведать вам всего. В отличие от мальчишки. Наглец знает больше, чем рассказывает.

Баз и Мария переглянулись.

– Спасибо вам за помощь, брат Антоний, – сыскарь пожал послушнику руку. – Еще раз сочувствую. Доброго дня.

– И вам, господин де Амрэ. Берегите себя. Моя госпожа.

Послушник поклонился девушке на прощание и удалился вглубь Собора. Дождавшись его ухода, Баз грозно посмотрел на подругу и тихо спросил:

– Что с тобой не так, Мария? Держи себя в руках и перестань срываться на всех! Не у тебя одной выдалась тяжелая ночь.

– Ты не понимаешь, Баз! – прошипела девушка сквозь зубы. – Мадам Клетус...

– Маша, прошу тебя! – перебил наставник. – Мне жаль, что женщина умерла. Мы разберемся с этим позже и направим ее тело в мертвецкую на вскрытие. А пока у нас есть работа! На кону твое повышение, не подведи ни меня, ни себя. Пойдем.

Раздраженный Баз отвернулся, показывая, что разговор окончен, и направился прочь из Собора. Маша двинулась за ним, тихо рыча, снедаемая тревогой и волнением. Черныш исчез. Идолы украдены. Кто-то узнал о ее тайне! Почему она все еще находится в этом проклятом месте, а не переворачивает город в поисках пропажи?

Ненавидя себя, База, весь мир, Маша пошла вслед за наставником. У нее раскалывалась голова. Боль давила на глазные яблоки, будто пыталась пробиться наружу. Ее мучило от переживаний и недосыпа. Но ничего не оставалось, кроме как подчиниться и помочь Базу. В одиночку она не справится. Вот истинная причина ее бездействия. Маша не в силах сама заглянуть в каждый дом, в каждую гнилую дыру, коими полнится этот чертов город. У База же имелась превосходная сеть информаторов. Они всегда знали о том, что происходит на улицах. Но чтобы использовать этих осведомителей, нужно рассказать другу правду. Обо всем.

– Проклятье, – прошипела Маша.

Ей хотелось кого-нибудь прикончить.

Баз между тем прошел через площадь к размещенной у фонтана палатке, которая исполняла роль временного штаба для оперативной группы Канцелярии. Все свежие новости и подробности о ходе следствия стекались сюда. Штаб кишел сотрудниками всевозможных чинов из разных ведомств. Они сновали туда-сюда с кипами промокших от дождя бумаг, сталкивались друг с другом и ругались. Изнутри доносились громкие возбужденные голоса: кого-то бурно и безжалостно отчитывали. Баз покачал головой и велел девушке дожидаться у фонтана. Сам же смело вошел в палатку.

Маша изнуренно плюхнулась на каменный заборчик у самой воды и принялась массировать пульсирующие виски. Головная боль усилилась, и даже холодные капли дождя не могли ее унять. Ей жутко хотелось выпить вина и просто хорошенько выспаться. Но это было непозволительной роскошью. Ее волосы быстро намокли и повисли неподъемным грузом. Пелена тревожных мыслей снова начала подкрадываться к девушке, когда внезапно кто-то рядом чихнул.

Встрепенувшись, Маша удивленно уставилась на сидевшего возле нее светловолосого мальчишку. Она совсем не обратила на него внимания. Его красное мокрое лицо опухло от выплаканных слез. Круги под глазами явно говорили, что и у него выдалась трудная ночь. Он беспокойно теребил в руках синий махровый берет и тупо смотрел себе под ноги. Маша заметила на его груди нашивку с символом веры.

– Ты, наверное, тот самый отважный паж Архиепископа? – как можно более ласково спросила Маша, подсев на брусчатку рядом с ним.

– Д-да, – заикаясь, ответил парень. – А вы тоже из Канцелярии?

– Все верно. Мне нужно у тебя кое-что спросить.

– Я и так уже рассказал куче народа, что ничего не знаю! – огрызнулся паж и отвернулся. – Отвали!

Возмущенная отказом, Маша мгновенно вспылила. У нее не было ни желания, ни настроения цацкаться с обиженными малолетками. Она схватила мальчишку за шиворот и потащила через площадь за Собор подальше от посторонних глаз.

– Что ты делаешь, сука? – пропищал паж. Он пытался вырваться из ее хватки, за что немедленно получил крепкую пощечину.

– У тебя чересчур поганый язык, недомерок, – сказала Маша и швырнула его в траву в тени здания. – Посмотрим, как ты запоешь дальше.

– Да ты хоть знаешь, кто мой отец, тварь! – с пеной у рта воскликнул тот. Поднявшись на ноги, он гневно посмотрел на обидчицу. От заикающегося и заплаканного сопляка не осталось и следа.

– О-о, да тут все друг другу родней приходятся. Куда ни плюнь, попадешь в дворянина, – закатила глаза девушка. – Ну же! Удиви меня!

– Мой отец глава Третьей канцелярии, – паж сжал кулачки и топнул ногой. – Он упечет тебя в темницу. Навсегда!

– О Боги, значит, ты такая же бестолочь, как и твой папаша, – усмехнулась Мария. Она грозно нависла над жертвой, обнажила кинжал и поднесла его к горлу мальчишки. – А теперь ты мне расскажешь, что тут произошло на самом деле, если хочешь еще раз увидеть своего чертового папашу.

Мальчишка молчал, смотря на обидчицу красными глазами. Маша собрала его волосы в кулак и прикрикнула:

– Говори!

Храбрость улетучилась из бедолаги, и он снова сжался. Из глаз брызнули слезы, а нижняя губа мерзко выпятилась наружу.

– Не убивайте меня, миледи. П-пожалуйста, – захлебываясь в рыданиях, промямлил мальчик. – Я...я совсем недавно стал пажом у Архиепископа. И...и почти ничего не знаю!

Мария оттолкнула его обратно на сырую землю и присела рядом.

– Что вчера произошло?

– Арх...Архиепископ, – всхлипнул парень и заикаясь продолжил, – приходит в свои покои вечером. В это время...я должен находиться возле его кабинета и ожидать распоряжений. Но вчера один из послушников сказал, что Архиепископ ждет меня в крипте под Собором.

– Дальше, – нетерпеливо спросила девушка, устроившись на мокрой траве поудобнее.

– Д-да, миледи. Я...спустился вниз, но там было пусто. Я прождал несколько минут, и решил, что меня разыграли. Я испугался гнева Его Преосвященства, и побежал обратно. А он уже ждал меня в своей комнате.

– Что делал старик? – заинтересованно спросила Маша и резко придвинулась ближе. Парень невольно зажмурился и заслонился руками, опасаясь новых ударов, но Маша не обратила на это внимания. – Он был цел? Ты заметил что-нибудь странное?

– Нет, он выглядел как всегда, – немного успокоившись, ответил паж. – Но был разъярен. Он наорал на меня, и обзывал по-всякому. Он всегда ругался, но вчера был особенно зол. Он... у него тряслись руки. Рассыпал монеты по полу, ползал, собирал их. И ругался. А потом...

Парень вдруг заглох, не решаясь продолжить.

– Что потом? – рявкнула Мария. – Говори, не тяни!

– Простите, миледи! – испуганно моргнул паж. – Потом он, как обычно, отправил меня за девками в «Примулу». Сказал привести двух моего возраста. И я ушел.

– Дальше! Что случилось после этого?

– Ничего, миледи. Я ушел в «Примулу».

– «Примула»? Это тот бордель в Верхнем городе?

– Да, – кивнул паж. – Гостиница для вельмож и важных особ.

– Называй как хочешь, – отмахнулась девушка. – Что-нибудь еще старик говорил?

– Сказал доплатить хозяйке за возможные увечья девкам, миледи. Он был очень-очень зол.

– Твоего возраста, говоришь? Сколько тебе лет, малявка?

– Четырнадцать, миледи.

– Этот гребаный больной ублюдок, – едва слышно прошипела Мария.

Ее затрясло от возмущения. Архиеерарх получил по заслугам! Маша ненавидела подобных скотов. Беспринципных грязных животных. Узнай она раньше о его пристрастиях, то лично расправилась бы с этим чертовым святошей.

– Что за послушник сказал тебе отправиться в крипту? – спросила она, буравя взглядом серое небо.

– Я... не знаю, миледи, – скукожился паж. – Они все для меня на одно лицо.

– Когда ты вернулся из борделя?

– Ближе к полуночи, наверное... Я завел девок через тайный ход под лестницей, – ответил мальчик, указав рукой в сторону одного из шпилей Собора. – Но комната Архиеерарха была закрыта. Я долго прождал его. Но потом... потом его нашли служители, над главным входом в Собор.

Маша откинулась на холодную от дождя траву. Ей не давало покоя смутное чувство, что смерти святоши и мадам Клетус неслучайно произошли одновременно. Все дело в идолах старых Богов. Кто-то узнал о них и выкрал. Но кто? Быть может, это связано с Архиеерархом? Он ведь ставленник Поднебесья, значит, мог пойти на что угодно, чтобы заполучить фигурки. И он получил их! Но потом их у него отняли...

«Это похоже на правду».

– Мда... Ладно. Беги к своему папочке, сопляк. Если расскажешь про меня что-нибудь, – она наклонилась к его зареванному лицу, – я найду тебя, и ты пожалеешь об этом. Понял?

Юнец усердно закивал. Из его глаз снова побежали слезы.

– Проваливай!

Паж поднялся с мокрой травы и бросился прочь от мучителя, едва не сбив с ног спешившего к ним База. Мужчина удивленно посмотрел вслед улепетывавшему мальчугану и подошел к разлегшейся в траве Маше.

– Это был паж Архиеерарха? – спросил наставник, нависнув над девушкой.

– Он самый, – кивнула та, – мерзкий маленький сопляк.

– Ты допросила его?

– Присядь.

Мария поведала ему о том, что ей удалось узнать. Баз внимательно слушал, не задавая вопросов. Когда девушка закончила, он нахмурился.

– Об этом пока не следует никому докладывать, – сказал он себе под нос, – если мы не хотим спугнуть этого таинственного послушника. Он может оказаться либо убийцей, либо его

сообщником. Но ради чего нужно было убивать ставленника Поднебесья? Чего он хотел от него добиться?

– Мне кажется, я знаю ответ, – протянула Маша, глядя ладонями траву. – Все дело в смерти мадам Клетус...

– Да чтоб тебя, Мария! – выругался Баз. – При чем тут эта бедная женщина?

Маша села. Она пристально посмотрела затуманенным от усталости и головных болей взглядом на наставника и решилась. Настала пора поведать ему обо всем.

– Мне нужно тебе кое-что рассказать, Баз. Но не здесь. Давай вернемся ко мне домой, я все покажу.

– Я не понимаю, Мария...

– Скажи мне, – спросила она, – за то время, что мы знакомы, показалась ли я тебе сбрендившей, чокнутой или спятившей?

– Нет..., – недоуменно ответил Баз.

– Когда я расскажу тебе, ты, скорее всего, решишь, что я такая, – ухмыльнулась девушка. – Но лишь тогда поймешь, как связаны эти две смерти. Мы закончили тут?

– Думаю, с нас хватит, – кивнул наставник. – Я доложил советнику Хоффману, что мы смогли узнать. Расследованием займутся лучшие сыскари Канцелярии. Мы же будем у них на подхвате.

– Тогда отправляемся, – сказала Маша и поднялась с травы. – Дело срочное, Баз. Поверь.

– Хорошо, Мария. Я поверю. Мы отправимся, но не раньше чем...

– Чем что? – снедаемая дрожью девушка всплеснула руками.

– Не раньше, чем мы обследуем этот потайной вход, – ответил мужчина и встал следом. – Преступник мог прийти и уйти этим путем. И если эти две смерти и правда связаны, Мария, уделить этому время будет нелишним.

Маше оставалось лишь согласиться.

Они вернулись в Собор и прошли через главную залу. Сегодня она была пуста. Все службы приостановили: послушников и прочих священнослужителей допрашивали сотрудники Канцелярии. Никто не помешает им изучить место преступления самостоятельно. Над головами был слышен свист сквозняка, когда они миновали гранитный алтарь, венчавший главную апсиду храма. Маша замерла как вкопанная. Ей послышался едва различимый шепот. Мерзкими склизкими змеями он проникал в разум, заточал его в непроницаемый кокон. Это чувство казалось до боли знакомым, но Маша не смогла припомнить откуда. Она была готова поклясться, что голоса исходили от алтаря. Девушка медленно подошла к нему и осторожно откинула зеленую драпировку. Под тканью оказалась лишь мраморная плита. Шепот стих.

– Чего ты там копаешься, Мария? – крикнул ей Баз, стоявший у потаенных дверей за колонной апсиды.

– Мне нужно поспать, – тряхнула головой девушка, прогнав наваждение. – Мерещится всякое уже.

Оставив алтарь в покое, Маша поспешила к Базу. Пройдя сквозь небольшую дверь, они оказались перед крутой винтовой лестницей, которая поднималась до самой верхушки одной из башен Собора. Здесь было темно. Из узких окон под потолком разливался тусклый свет. Легкий полумрак растекся над каменным полом, кутал ступени в своих клубках.

– Думаю, это здесь, – ткнул пальцем в темноту наставник. – Осмотри выход, а я поднимусь.

Маша кивнула, вернулась в залу и взяла с колонны капеллы один из подсвечников. Пламя оплавленных свечей боязливо танцевало, пока девушка погружалась во тьму под лестницей.

На первый взгляд, ничего примечательного она не обнаружила. Ни крови, ни других следов. Устилавший пол кирпич из серых камней, такой же древний, как и сам Собор, был на удивление чист. Маша присела и провела ладонью по его поверхности. Присмотревшись в неровном

свете свечей, девушка охнула: ладонь была чиста, не одной пылинки. Либо дотошные послушники все старательно отмыли, прибираясь накануне, либо кто-то убрался в этом месте специально. Решив проверить догадку, Мария обошла каждый из углов помещения, где обнаружила застарелые слои пыли.

– Интересно, – шепнула она себе под нос и прошла к узенькой, окованной ржавым железом двери, что приютилась под лестницей.

Тяжелая дверь не поддавалась, пришлось отставить в сторону подсвечник и навалиться посильнее. Шкрябая по выложенной камнем тропинке, она все же дрогнула и ушла в сторону. В глаза ударил серый утренний свет. Выйдя наружу, Маша внимательно осмотрела пяточок земли и травы, вокруг входа. Тоже ничего примечательного. На каменной тропе она не нашла ни следа. Даже если они и были, дождь давно их смыл.

Мария огляделась. Дорожка пролежала через скромный дворик с невысоким парапетом. Вдоль ограды протянулась колея рыхлой земли с посадками желтых и красных цветов. У стены Собора, там, где к нему примыкал витиеватый забор, на высоких шестах висели заросли плюща.

– Кто-то любил копать в саду, – хмыкнула Маша. – Не наш ли это благочестивый Архиерарх?

Девушка подошла к грядке и перегнулась через парапет. В паре метров под ним, у подножия крутого скалистого склона, пролежала узкая дорога, что соединяла Храмовой квартал с Верхним городом. Вдоль мостовой стояли невысокие домишки, по красной черепице которых сбегали на брусчатку потоки дождевой воды. Сама дорога пустовала, лишь в одном месте под забором виднелась конская навозная куча.

– Проклятье, – выругалась Мария. – Совсем ничего.

Маша оттолкнулась от ограды, и направилась обратно в башню Собора, когда ее взгляд упал примятые цветы. Девушка склонилась к посадкам и осторожно раздвинула пышные желтоватые бутоны. Между цветами, прикрытый тяжелыми от капель дождя стеблями, виднелся след ботинка. Отпечаток подошвы наполовину терялся среди трав. Но место, где фигуристая пятка коснулась влажной земли, было видно отчетливо. След почти размылся, но кое-что осталось. Тонкая полоса продавила землю сильнее, чем вся подошва. Она ровно огибала пятку и терялась на фоне остального следа.

– Это же подкова! – удивилась Маша. – Убийца носит подкованные сапоги!

Она перегнулась через парапет и пригляделась к навозной куче. Должно быть, лошадь стояла ровно под этим местом.

– Отсюда он спрыгнул на дорогу...

Маша стремглав побежала к Базу. Ветром поднявшись по винтовой лестнице, она оказалась у открытых дверей кабинета Архиерарха. Внутри царил разруха. Всю комнату перевернули. Книги и свитки были нещадно выкинуты из стеллажей и полок. Выдвижные ящики стола валялись в углу, выпотрошенные и разломанные. Но самым ужасающим оказалось не это. Кровать Архиерарха, стоявшая у окна в противоположном конце комнаты, была измазана кровью вдоль и поперек. Мягкие пуховые подушки нещадно изрезаны и истыканы клинком. Сорванный балдахин из зеленоватого шелка, насквозь пропитанный кровью, валялся рядом, скомканный словно куча тряпья.

– Пекло..., – прошептала Маша, разглядывая место преступления.

– Подсоби-ка мне, Мария, – донесся из-за громоздкого платяного шкафа голос База.

Они с трудом отодвинули заляпанный кровью шкаф от стены. Тяжело дыша от натуги, Баз пошарил под ним и аккуратно извлек короткий кинжал с отломленным наконечником. На его лезвии виднелись разводы засохшей крови.

– Есть! – воскликнул Баз.

– Чей это нож? – спросила Маша, изучая рукоятку. На полукруглом навершии виднелось изображение Ока веры, в центре блистал увесистый изумруд.

– Полагаю, он принадлежал Архиепископу, – ответил Баз. – Убийца схватил его и начал пытать. Возможно, старик смог ранить нападавшего. Не сомневаюсь, что это его кровь. Видимо, убийца отбросил нож, так он и оказался за шкафом. Не берусь судить, был ли надломлен наконецник до покушения, или после...

– Зная Архиепископа, не думаю, что он стал бы ходить с поломанным оружием. Как ты догадался, что найдешь там что-то?

– Просто посмотрел, что лежит под ним, – улыбнулся Баз. – Сыскарям иногда везет.

– А обрывками балдахина убийца его связал и начал допрашивать и линчевать, – догадалась Маша. – Кстати, спасибо, что спросил, я тоже кое-что нашла.

– О, действительно, – виновато улыбнулся Баз. – Так что же ты нашла?

– Пол под лестницей замыв. Но лишь в некоторых местах. Значит, кто-то заметал следы. Убийца действительно ранен и, видимо, убрал за собой капли своей крови.

– Неплохо, Мария...

– Есть еще кое-что, – перебила Маша и села на край кровати. – Наш преступник носит подковы или некую стальную обивку на сапогах. Размер ноги, пожалуй, как у тебя, ни большой, ни маленький. Он перепрыгнул через парапет во дворе к лошади, которую заранее оставил на улице. Там осталась куча навоза. Этим путем убийца и скрылся. Думаю, так же он и проник внутрь. Но свидетельств этому я не нашла.

Ошарашенный Баз уселся рядом и стал восторженно хвалить подругу:

– Машенька! Ты молодец! Ты просто гений сыска! Жаль нам пока не узнать, что он выведает у Архиепископа.

Мария тяжело вздохнула и, встав с кровати, начала тревожно мерить комнату шагами. Расследование совсем отвлекло ее от переживаний о похищенных идолах и пропавшем Черныше.

– Что случилось, Мария? – наставник озабоченно посмотрел на девушку.

– Я знаю, что убийца хотел найти, Баз, – неуверенно начала она.

– Что-что?

– Это связано с мадам Клетус, – остановившись посреди комнаты ответила Маша. – А, вернее... со мной.

– Так, – встряхнул головой Баз, – давай по порядку. При чем тут вообще ты?

– Я хотела рассказать тебе это в другой обстановке. Но, видимо, больше нельзя откладывать этот разговор. Баз..., – Маша снова села на кровать и умоляюще посмотрела на наставника, – мне нужна твоя помощь.

– Для начала объясни уже, что происходит!

– Хорошо. То, что я поведаю, знает лишь горстка людей. Остальные, причастные к этой истории, давно мертвы. Пообещай, что все, что ты узнаешь, останется между нами. Ради твоей же безопасности.

Баз изумленно смотрел на подругу. Только теперь он осознал, как мало знает о прошлом подопечной.

– Хорошо, Мария, – кивнул он наконец, – я даю тебе слово.

– Рассказ будет долгим.

Девушка собралась с мыслями и поведала Базу свою историю. С самого начала, когда на ее родную деревню напала Орда Посланника. О пленении и измывательствах, что ей пришлось пережить в лагере воинственных дикарей из гханурских племен. Об участии в осаде древнего города Небославля и вступлении в ряды ордена мхаграев. О долгом обучении Пути мхаграя, суровом учителе и зверствах, что ей пришлось совершать, во имя Орды. Баз сидел в изумлении и слушал о тайне идолов старых Богов, которые являлись ключом к их же осво-

бождению. Маша рассказала Базу и о спутниках и друзьях, что погибли в попытках помешать безумному Посланнику достичь своих целей. Умолчала лишь про необычный дар Ярослава. Друг стал первым за всю историю богородным от бога Смерти Мора. Мария решила, что о таком не следует знать даже Базу.

Когда она закончила, сокрытое за тучами солнце приближалось к зениту. Дождь, как и прежде, стучал в окна и стекал тягучими каплями по стеклу. Лишь его стук нарушал повисшую тишину.

Баз уставился себе под ноги. Он качал головой, пытаясь уложить в голове описанные подругой события. Ухмыльнувшись, он посмотрел на Машу.

– То есть ты с говорящим котом, как там его... Чернышом? Прибыли в Техноград в поисках некой древней книги, чтобы освободить старых Богов? И уже с десяток лет живете тут, не сумев ее найти? И эти злополучные фигурки ты хранила у себя дома в тайнике?

– Да, – с грустным видом кивнула Маша. – И их похитили вместе с моей катаной и кинжалами из лунного серебра. И сам Черныш пропал. Он никогда бы не оставил наш тайник без присмотра.

– Это..., – снова качнул головой Баз. – Мария, в это трудно поверить, ты понимаешь? Это звучит как какой-то...

– Бред? Выдумки? Сказки? Жаль, у меня не осталось клейма на груди, ты бы убедился! Баз, поверь мне, я пережила это дерьмо на своей шкуре. И теперь кто-то прознал о фигурках! Я уверена, что убийца знал, что их похитил Арххиерарх, и пришел за ними сюда.

– Вопрос в том, были ли они у него...

– Вот именно..., – сказала Маша, и вдруг ее осенило. – Проклятье! Точно! Вся комната перевернута вверх дном! Святоша мог не сказать убийце, где они, либо тот просто ему не поверил. Пекло... У нас еще есть шанс найти их!

Маша соскочила с кровати и снова принялась мерить комнату шагами, силясь понять, откуда стоит начать поиски.

– Стой-стой, Мария, – погрозил пальцем Баз. – Мы этого не знаем наверняка. Нам нужно поговорить с советником Хоффманом обо всем.

– Нет! – воскликнула Маша, топнув ногой. – Разве ты не понимаешь? Никто не должен узнать о фигурках.

– Я не сказал, что собираюсь выложить ему всю правду, Мария, – успокоил подругу Баз. – Но про следы, что мы нашли, и наши догадки, нам стоит доложить. Я знаю, что ему сказать, а о чем умолчать. Согласна?

Маша неуверенно кивнула.

– Хорошо, – прокряхтел мужчина, поднимаясь с кровати. – После мы займемся мадам Клетус и загадочным вином, раз ты уверена, что оно имеет отношение к ее смерти. Посмотрим, куда нас приведет этот след.

Баз приобнял девушку за плечи.

– Мне еще трудно уложить все это в голове, но я не сомневаюсь: на твою долю выпало много всего. Ты стойко перенесла тяжкие испытания. Но не теряй настрой! Вместе мы распутаем этот узел, обещаю.

Мария слабо улыбнулась и зарылась в его плечо.

Путь во тьму

Чертов благородный хлыщ оказался прав.

Глокку скрутило кишки, едва он отошел от берега. Проклятые синие личинки! Разъяренный и смущенный, он провел в лесу с добрый час, прежде чем смог вернуться к стоянке богородных. Благо, что Деллен помог разбить камнями цепь, что связывала браслеты на его руках. Иначе его дело в лесу сильно бы осложнилось.

Компания богородных сгрудилась вокруг костра и приветствовала его шутками и хохотом. Они живо судачили, обсуждая нового брата по несчастью и его отчаянный поступок. Даже Деллен повеселел, словно с его шеи сняли тяжелый груз. Лишь Друст при виде Глокка замолк и смущенно потупил взгляд.

– Ну что, суровый верзила? – смеясь, спросил Деллен. – Я гляжу, ты быстро управился. Значит, правду о вас говорят, богородных от Лема: вы можете переваривать даже гвозди! А потом прете железом!

Компания снова загоготала. Громче всех надрывался чернокожий здоровяк. Харматец. Лысый, как и Глокк, он напоминал мерзкого борова, научившегося ходить на задних ногах. Его черную кудрявую бороду покрывал слой застарелой грязи. Как и всю его одежду, состоявшую из рваного жилета харматского покроя и шаровар, подпоясанных обрывками лиан. Он бил себя по ляжкам, не в силах сдержать собачьего смеха. Глокк заметил, как в его ухе серебрилась точка серьги.

«Когда-то и я носил такую же».

Насупившись, Глокк бесцеремонно уселся рядом с ним и посмотрел на Деллена.

– Вижу, мое появление разбавило ваше дерьмовое настроение, – хрипнул он, потирая ладони над костром. Становилось прохладно. – Сам-то ты, ваше сиятельство, сколько просидел в кустах, когда впервые попробовал местную гадость?

– Весь день безвылазно! – ответил сквозь смех Деллен. – А последний бедолага так вообще ушел в леса с концами и выполз оттуда через пару дней!

– Последний? – удивился Глокк. – Это кто же из вас? Может ты, шаман?

Богородные вдруг умолкли и тревожно переглянулись. Друст потряс головой.

– Нет-нет, – заикаясь, ответил он.

Глокк обвел взглядом собравшихся у костра.

– Кто же тогда? Я думал, в Черной яме находится больше таких отщепенцев, как вы.

Темнокожий раздраженно хрипнул и отвернулся.

– Ты прав, – сказал Деллен. – Богородные часто попадают в Черную яму. И все они, раз за разом, пытаются найти выход отсюда и уходят в дикие просторы Сердца мира.

Глокк не выдал заинтересованности и небрежно спросил:

– Что с ними стало?

– Некоторые выжившие...возвращались! Израненные да побитые, как собаки, – рассмеялся из своего угла облезлый старик, еще не проронивший до этого ни слова. Его скрипучий, похожий на скрежет железа о стекло голос, больно бил по ушам.

– Так, где они теперь? – Глокк снял с костра поджарившуюся личинку и с опаской принялся.

Старый пропустил его вопрос мимо ушей. Он усердно отряхивал немощными руками засаленный, пропитанный грязью, потом и мочой балахон, словно забыл, что только что говорил.

– Не обращай внимания на безумца, – махнул рукой Деллен. – Он сидит тут, наверное, еще со времен Раскола, и едва помнит, что по утрам нужно просыпаться. Он не знает кто он

такой, но я думаю, старик из пустынников. Безумец то пропадет в лесах на несколько дней, то возвращается как ни в чем не бывало. Мы кличем его просто Максом.

Харматец снова хрипнул, то ли смеясь, то ли негодуя.

– Безумный Макс, значит? – ухмыльнулся Глокк и жадно вонзил зубы в высохшее тельце личинки. Проглотив мерзкий деликатес, он кивнул в сторону темнокожего. – А эта жирная образина кто такой?

Глокк услышал у своего уха тихий утробный рык и хруст костяшек пальцев. Темнокожий дрожал от гнева. Он был на грани того, чтобы броситься на Глокка. Тот бесстрашно посмотрел харматцу в глаза и увидел в них первобытное безумие и жажду крови.

«Я тоже был таким. Диким, свирепым и необузданным».

– Успокойся, здоровяк, мы же тут все друзья! – ухмыльнулся он, похлопав того по ноге. – Шутим друг над другом.

– Я – Бал ибн Алмез, – прорычал чернокожий, смрадно дыхнув Глокку в лицо. – Я буду тем, кто оторвет твою башку, если ты не заткнешься.

«И точно! Прямо как я лет сто назад. Самоуверенный, бесстрашный, решающий проблемы только силой. Нужно будет убить его первым».

Глокк кивнул и демонстративно отвернулся к Деллену.

– Веселая тут у вас компашка собралась, – хмыкнул он. – Но я так и не получил ответа: где остальные богородные?

Деллен поднялся с места и махнул в сторону леса.

– Пойдем, прогуляемся.

Недовольно вздохнув, Глокк повиновался. Он отбросил остатки еды и побрел за спутником в сторону лесной пущи. Отойдя достаточно далеко от лагеря, Деллен сел на камень возле тучки светящейся мошкары, кружившей над зарослями сияющих цветов. Гудевший голосами невидимых птиц лес замолк при их появлении. Мужчина устало потер виски и посмотрел на Глокка.

– Нужно было срочно развести вас в разные стороны. Прошу тебя, не задирай этого безмозглого упыря, южанин, – взмолился он. – Здесь под деревьями закопано много бедолаг, которые посмели над ним глумиться.

Глокк уселся напротив него на покрытый вязкой слизью ствол поваленного дерева. Поморщившись от неприятного хлюпанья, он невольно поднял ноги. Из-под его стоп бросились наутек сотни крошечных огоньков. Это забытое всеми место просто кишело насекомыми и разными паразитами. Глокк ненавидел букашек.

– Дерьмо, – сокрушался он, увязнув в липком, как сопля слое. Глокк обтер руки о штанину и посмотрел на собеседника. – Этот осел мне не помеха. Если бы он накинулся на меня, то оказался бы мертв ровно в ту же секунду.

Деллен покачал головой.

– Не стоит недооценивать Бала. Он свирепый боец с напрочь отбитой головой. Я до сих пор не знаю, кто он на самом деле и откуда тут взялся.

– Сам-то ты давно здесь?

– Лет пятнадцать-двадцать, я думаю, – пожал плечами, ответил Деллен. – В царстве вечной тьмы хода времени совсем не ощущаешь.

Глокк угрюмо хмыкнул и посмотрел на светящихся муравьев под ногами.

– И как ты тут оказался?

– Из-за тебя.

– Чего-чего?

Лицо Деллена посуровело. Он одарил Глокка долгим тяжелым взглядом и сказал:

– Я охотился за тобой, южанин. Искал тебя повсюду. Слухи о твоих похождениях уводили меня все дальше вдоль морского берега на запад. Но потом ты вдруг исчез.

– Да, – кивнул Глокк. – Мне удалось ненадолго залечь на дно в одном харматском городке.

– Неважно, – перебил его Деллен. – Я отчаялся и бросил поиски. Вернулся в Конкордат. Начал новую жизнь. Но никогда не забывал про тебя. И однажды услышал, что в Черную яму отправили богородного, здоровенного и свирепого, который вырезал целую деревню и положил взвод султанских солдат. Я...глупец! Я не знал наверняка, что это ты. Не проверил! И устремился сюда. Специально попал в эту тюрьму, надеясь расквитаться с тобой за все, что ты мне сделал!

– И ты..., – расхохотался Глокк, догадавшись об окончании истории. – Ты нашел здесь этого черного амбала вместо меня?

– Да, – мрачно ответил Деллен.

Глокк смеялся как никогда. В подобную чушь едва ли можно было поверить, но доказательство ей сидело прямо перед ним. Кое-как успокоившись, он криво улыбнулся несчастному и подбодрил его:

– Знаешь, я не умею извиняться, но прости, не выдержал. Ты и правда глупец. Такой занимательной истории я давненько не слышал.

Деллен не ответил. Он грустно смотрел в сторону лагеря, где в свете костра сновала тень чернокожего харматца.

– Ну так что, ваше сиятельство? – прохрипел Глокк. – Что случилось с остальными?

– Те, что вернулись, рассказывали про страшных тварей, что таятся во тьме этого места, – отвлекшись от наблюдений, ответил Деллен. – Многие погибли от их когтей. Другие ушли дальше в долину, но что с ними стало нам неизвестно. Проклятые браслеты не дают использовать нам свои силы. Без богородного дара большинство из нас мало на что по-настоящему способны. Все, кто ушел – сгинули в джунглях, я не сомневаюсь.

– Так почему вы не снимете их? – буркнул Глокк и посмотрел на гладкую сталь на запястьях. Только сейчас он заметил, что на них имеется тонкая полоска, немного возвышавшаяся над поверхностью. – Неужели у вас не нашлось возможности вскрыть замки?

– Южанин, – покачал головой Деллен, – тебя когда пленили, ты чем занимался? Прыщи на жопе разглядывал? Разве ты не видел, как они одевают на нас браслеты?

– Я...был в отключке..., – замялся Глокк. – Меня взяли спящим и не дали проснуться. Я слышал, что какой-то местный старый хрыч навел их на мое убежище. Когда я очнулся, то уже был в кандалах, – он задумчиво погладил оковы. – Так что не так с этими браслетами?

– Харматцы делают их лунного серебра, – объяснил собеседник. – Оно глушит наш дар, превращает в слепых беспомощных котят! А на самих браслетах нет никаких замков. Вместо них они используют особую смесь. Она горит с таким жаром, что серебро плавится и срастается в один сплошной кусок! Обычно они подкладывают под браслеты мокрое тряпье, чтобы не сжечь пленникам руки. Но я видал бедняг, которым довелось испытать на себе жар этого огня. Их руки чернели. Начиналась гангрена. Нам приходилось кончать их и хоронить в этом проклятом лесу.

Глокк заворожено слушал рассказ. Пока Деллен говорил, он убедился, что замочных скважин действительно нет. Лишь сплошная полоса оплавленного серебра. Но даже не это удивило его.

– Вот дерьмо, – тихо сказал он себе под нос. – Теперь я начинаю понимать.

– О чем ты? – спросил Деллен, поднимаясь на ноги.

Глокк тоже соскочил со склизкого дерева и, сжав кулаки, прорычал:

– Эти ублюдки пытали меня несколько дней! Они спрашивали меня о какой-то «крови, что горит ярче солнца». Говорили, что я украл повозку, полную этого дерьма. Один из них брякнул, что по всему Хармату идут бои за эту «кровь». Кто-то крадет ее из-под носа самого султана целыми партиями. Теперь понятно, почему они так здорово меня отделали. Но мне нечего было им рассказать.

Глаза Деллена тревожно округлились. Глокк обратил внимание, как его руки задрожали. Мужчина принялся ходить вдоль кромки леса, усердно о чем-то размышляя. Он едва слышно бубнил и лихорадочно потирал ладони. Слова Глокка явно его взволновали. В бледном свете сияющих трав он был похож на безумца, который вынашивал самоубийственную затею.

– Эй, как там тебя... Деллен! – прикрикнул на него Глокк. – Что происходит?

Тот вдруг остановился и сказал:

– Я обманул тебя южанин.

– Что ты такое несешь? – сжал кулаки исполин.

– Обманул. Но не во всем, – он перешел на шепот. – Я действительно прибыл сюда, чтобы разыскать тебя. Но не это было моей главной задачей.

– Задачей?

– Нет времени все объяснять. Но ты должен кое-что знать. Черная яма – это не простая тюрьма. Это рудник. Помещенные сюда узники добывают эту «кровь», и взамен получают еду и воду с поверхности. Обмен происходит раз в неделю. Но это не поможет нам выбраться отсюда...

– Угомонись, побери тебя Пекло! – рыкнул Глокк, подходя к нему вплотную. – Объясни, что происходит, и не увиливай!

– Слухи о «крови» пошли около тридцати лет назад, – Деллен вздохнул и потер ладони. – Хармат обнаружил ее здесь, в недрах Золотых гор. И быстро узнал о ее свойствах. Эта штука может перевернуть весь мир, южанин! Если правильно применить ее, облик войны изменится навсегда. Хармат сметет всех на своем пути. И первой целью станет Конкордат! Между ними давние и кровавые счеты.

– И как это связано с тобой?

Деллен склонился к самому уху Глокка.

– Нет времени объяснять, южанин, – повторил он. – Я предлагаю договор: ты помогаешь мне бежать из этого места и добраться до Технограда. Оказавшись там, я помогу тебе снять браслеты.

– Твое предложение очень заманчиво, но откуда мне знать, что тебе можно доверять? – Глокк бросил на него косой взгляд и скрестил на груди руки. – Ты что-то темнишь, дворянский хер!

– У тебя нет причин мне доверять, – кивнул Деллен. – Но ведь и я мог не поверить в то, что ты мне рассказал о смерти моей жены, и попытаться прикончить тебя, – он умоляюще посмотрел на исполина. – Помоги мне выбраться отсюда, Глокк! Или ты предпочтешь сгнить в проклятой Яме?

У Глокка затекли ноги от долгого простоя без движения. Он прошелся по опушке перед лесом, размял суставы, и уселся на камень.

«Проклятье... У меня просто нет причин не согласиться. Сам я и правда не избавлюсь от браслетов. Но сначала нужно выбраться из этой дыры...»

– Ты предлагаешь нам вдвоем пробраться через кишасший невиданными тварями лес? – ухмыльнулся Глокк. – И долго мы там протянем? Мы даже не знаем, в какую сторону идти!

– Вдвоем точно не справимся, – покачал головой Деллен и обернулся, посмотрев на лагерь. Пламя костра почти погасло. Лишь редкие угольки сияли на фоне погрузившегося во тьму убежища богородных. – Нам придется взять с собой Друста, он отличный следопыт. И харматца тоже.

– Я знал, что ты это предложишь, – тяжело вздохнул Глокк. – Надеюсь, полоумного старика ты за собой тащить не собираешься?

– Конечно же нет, – отмахнулся Деллен. – Как бы ни было его жаль, он станет обузой.

– С другой стороны, мы можем скормить его лесным хищникам. Если прижмет, – рассмеялся Глокк.

– Очень смешно, – фыркнул Деллен. – Пойдем, обсудим нашу затею с остальными. Говорить буду я. У тебя хреново с дипломатией и разговорами.

Разговор вышел жарким. Друст категорически воспротивился порывам товарищей отправиться вглубь леса. Он взволнованно соскочил с лежака и принялся беспокойно ходить вокруг затухающего очага.

– Я думал, – покачал головой Глокк, – вы в своем Древомарье спите с деревьями и рожаете детей из дубовых дупл.

– Твое остроумие уровня улитки начинает надоедать, – бросил через плечо Друст. – Вы два безумца! Мы найдем там лишь смерть. Этот лес отличается от того, что растет на поверхности. Даже деревья здесь несут смерть. У нас нет шансов!

– Бал, – обратился Деллен к харматцу, который лежал в тени скалы, – ты ведь уже ухаживал несколько раз с другими группами. И всегда возвращался один. Расскажи нам, с чем вы столкнулись?

«Что-что? Ублюдок уже порывался покинуть это чудесное место?»

– Действительно, – хмыкнул Глокк. – Мне бы хотелось знать, как ты выжил.

– Ни одна из тварей, что поджидали нас в лесу, не устоит перед Балом ибн Алмезом, – прорычал харматец. Он дал понять, что не намерен обсуждать эту тему.

«Никто перед тобой не устоит, но все же ты еще здесь».

– Значит, ты станешь незаменимым членом нашего отряда самоубийц, – усмехнулся Глокк.

Бал буркнул что-то в знак согласия и отвернулся к скале.

– Друст, – окликнул шамана Деллен. – Решайся! Твои знания нужны нам, чтобы пробиться через лес.

– Вы даже не знаете, куда идти! – всплеснул руками Друст.

– Будем решать проблемы по очереди, – не унимался Деллен. – Ты так и хочешь прозябать здесь до конца времен?

Друст задумчиво погладил подбородок. Очевидно, перспектива никогда больше не увидеть солнечного света его не прельщала. Он прошелся вокруг лагеря еще раз, не переставая заламывать руки и бормотать проклятья. Наконец шаман подсел к костру и недовольно поднял с земли ветку.

– Вы чертовы безумцы, знаете ли, – шаман растормошил едва теплившиеся в очаге угли и сокрушенно покачал головой.

– Ты с нами или нет? – не выдержал Глокк. – Хватит мять титьки и ответь!

– С вами, – процедил сквозь зубы Друст, не удостоив исполина даже взгляда.

– Вот и славно! – хлопнул в ладоши Деллен. – Завтра же берем все, что у нас есть и выступаем.

Никто из богородных не разделил его радости. В молчании все разошлись по своим углам и улеглись спать. Слушая беззаботный храп чернокожего здоровяка, Глокк долго размышлял, в какое дерьмо он вляпался, пока сон и усталость от последних дней окончательно не сморили его.

Утро, если его можно было так назвать, выдалось студеным. На землю выпала роса, покрыв травы и листья деревьев каплями мерцающих зеленоватых оттенков.

Деллен разбудил богородных громкими возгласами. Пришло время собираться в путь. Глокк с трудом разлепил глаза: он не чувствовал себя отдохнувшим. Израненное тело до сих пор ныло и болело. Ото сна в жутко неудобной позе на камнях его шею заклинило. При попытках пошевелиться головой Глокка пронзало болью, как раскаленной кочергой. Пыхтя и чер-

тыхаясь, он кое-как сумел подняться на ноги и отправился к берегу. От теплой воды в голове прояснилось, и богородный полез было в реку полностью. Но его удержал окрик Деллена:

– Я бы не делал этого на твоём месте, южанин!

– Что опять не так? – промычал Глокк, бросив на него раздраженный взгляд.

– Мало того, что у реки нет дна, – не глядя, крикнул Деллен, вороша кипу рухляди возле лагеря, – так там водятся сучьи угри! Одно их касание парализует, и ты быстро уйдёшь им на корм.

Глокк с отвращением отпрянул от воды.

«Проклятое место».

Хмурясь пуще прежнего, он вернулся в лагерь и помог Деллену собрать самое необходимое. Среди пожитков нашёлся небольшой мешок из останков старого тряпья. В него сложили все запасы жареных личинок, кремёнь для разведения костра и старый полусгнивший бурдюк, из которого сочилась вода. Глокк нашёл длинный камень с острым концом и крепко примотал его обрывками лиан к более-менее прямой ветке. Изучив получившееся копьё, он удовлетворённо потряс им перед собой. Из остатков лиан соорудил подобие веревки и закинул их моток себе за спину.

Продравшись сквозь заросли, на поляну вывалился Друст. В его руках находилась невесть откуда взявшаяся прозрачная бутылка, полная мерцавших зелеными огнями жуков. Те ползали по разбитым стенкам и отчаянно пытались выбраться из стеклянной ловушки, отчего их спины сияли яркими огнями.

– Сойдет за факел, – кивнул Деллен и повернулся к Балу. – Ты готов?

Темнокожий все это время лежал у костра и наблюдал за суетившимися по лагерю богородными. Он поднялся и молча прошёл мимо Деллена к деревьям. Замахнувшись, могучим ударом он сломал одно из них пополам. С громким треском толстый ствол повалился на землю. На жухлую листву брызнули потоки тягучей вязкой смолы. Бал отломал ветвь потолще и обмотал её тряпкой, которую как следует пропитал в древесном соке.

Он подошёл к отряду, продемонстрировал свое творение и рыкнул:

– Вот факел.

Друст обеспокоенно покосился в сторону их пристанища.

– Что будем делать со стариком Максом? – спросил он.

Все посмотрели на мирно спавшую у скалы кучу тряпья, коей был древний богородный.

– Он хоть живой? – без особого интереса спросил Глокк, потирая больную шею.

– Даже если и живой, нас он не хватится, – пожал плечами Деллен. – Отправляемся.

Бал поджог факел и первым нырнул в темноту таинственного леса. Деллен кивнул спутникам и отправился следом за харматцем. Друст нервно сглотнул и посмотрел на Глокка. Встретив его холодный каменный взгляд, он неуверенно ступил под сень темного леса. Глокк же застыл в нерешительности.

«Что за чертовщина? Я – богородный от, мать его, Лема, заклинатель света и огня... боюсь темноты. Похоже, я старею...»

Он посмотрел на старика. Тот тихо посапывал на своей лежанке, похожий больше на грязное, воняющее дерьмом дитя, чем на древнего и могущественного кудесника.

«Лучше уж умереть в бою, чем состариться и превратиться в... такое».

Глокк вернулся к лагерю и собрал налипших на скалы личинок. Бросив их в ещё теплившееся пламя костра, он удовлетворённо хмыкнул.

«По крайней мере, не помрет какое-то время».

– Спасибо тебе, юноша! – раздался за его спиной скрипучий голос.

Глокк испуганно подпрыгнул, едва не выронив копьё, и обернулся. Он занял боевую стойку и приготовился защищаться, но увидел лишь старика.

– Проклятый дед! – воскликнул Глокк, втыкая копьё в землю. – Я же мог прибить тебя.

Старик хохотнул, обошел его полукругом, и ткнул костлявым пальцем в сторону леса:

– Вижу, вы отправляетесь в новый поход? Мне кажется, я еще переживу многих из вас!

– Говори, чего тебе нужно?

– Просто выразить свою признательность, – поклонился безумец. – Ты не забыл про меня, хотя и видишь-то первый и последний раз. За это я дарю тебе знание, друг мой.

Глокк всмотрелся в темноту леса: света факела уже не было видно, его спутники уходили все дальше.

– Говори же, старый, не тани.

– Каждый из твоих новых друзей – не тот, кем кажется, – заговорщически ответил дед, потирая ладони. – Все они – предатели. Но один из них спасет тебя, второй приведет в ловушку, а третий попробует убить!

Глокк смачно сплюнул себе под ноги и отвернулся от старого безумца. Закинув копье на плечо, он поспешил за отрядом. Те уже прилично оторвались, словно и не заметили его отсутствия.

– Береги свой хребет, здоровяк, – рассмеялся вдогонку старик.

Глокк раздраженно ругался, прорываясь по стремительно зараставшей тропе, которую оставили члены отряда. Лес, словно живой, затягивал рану их вторжения в своей древесной плоти. Чем дальше Глокк отдалялся от реки, тем жарче становилось. Под хитросплетениями чернеющих крон стояла духота и сырость. Влага пробиралась в ноздри, приносила с собой кислые и тошнотворные запахи. Отовсюду доносили шорохи и крики взволнованных птиц и зверей. Растревоженные гнусы тучами взметались с кустов и стволов деревьев, нещадно атаковали неприкрытый торс пришельца. Вряд ли им еще доводилось вдоволь напиться человеческой крови.

Глокку не хотелось раздраживать их аппетит.

Его глаза уже успели привыкнуть к тусклому зеленоватому сиянию, наполнявшему это проклятое подземелье. Но здесь, глубоко в лесу, света почти не было. Приходилось на ощупь пробираться через заболоченные овраги и поваленные стволы. Мошкара не давала спуску. Вездесущие лианы заплетались вокруг ног. Испуганный гул живности прекращался при его приближении, что тревожило Глокка еще сильнее.

Что-то не так. За ним словно наблюдали.

Богородный остановился и прислушался. Шорохи леса все так же продолжали угасать, хотя он не шевелился.

Что-то не так...

Отмахиваясь от надоевших moskitov свободной рукой, он ускорился. Перепрыгивая коряги, отталкиваясь от возникавших на пути деревьев, Глокк спешил за отрядом в надежде наткнуться на их след. Он давно должен был выйти к ним. Но ни намек на всполох факела, ни разговоров его товарищей так и не появилось. Лишь только где-то над головой стоял хруст веток и звуки трущихся о дерево когтей. Глокк затылком чувствовал, как нечто настигает его. Из темноты доносился утробный протяжный рык, похожий на рев раненного льва. Ему не убежать.

Глокк решил дать бой неведомой твари и резво нырнул под раскидистое дерево. Клацнули челюсти. Там, где секунду назад стоял Глокк, теперь болталась огромная пасть животного. Острые желтые клыки длиной с ладонь усеивали необъятную челюсть существа. Черные глаза отливали радужными бликами в редком тусклом свете. Тварь ошетила стальной мех и выпустила когти. Глокк невольно сглотнул, увидев их размер: ими можно было разорвать человека на мелкие ошметки.

– Проклятье, – Глокк попятился, выставив перед собой копье. Он медленно отступал, огибая ствол дерева, и не сводил глаз с монстра. «Нечто» двинулось за ним, мягко ступало внушительными лапами по мокрой траве и помахивало длинным хвостом.

Крепче сжав древко, Глокк отчаянно вспоминал, как поборол голыми руками львов, что напали на него в пустыне. Тогда пришлось несладко, но он справился без особых проблем. Да только львы не были размером с небольшой дом, как эта бестия. Та не дала ему шанса собраться с мыслями и бросилась на богородного.

Чудище взревело. Когтистая лапа полоснула воздух и вонзилась в дерево почти над самой головой Глокка. Тот едва успел увернуться от смертельной атаки. Он кувырком ушел за противоположную сторону ствола и оказался перед задними конечностями чудища. Не теряя времени, Глокк прыгнул и вонзил копьё в мягкую плоть под его лапой. С хлопаньем оружие прошило мякоть и утонуло в хлынувшем кровавом потоке. Раздался дикий визг и шипение. Бестия взбрыкнула и ударила Глокка. Богородного смело и отбросило в кусты. Глубоко увязшее оружие так и осталось торчать из раны.

Монстр взвыл и начал кружиться вокруг себя, пытаясь извлечь занозу. Он разъяренно хрипел, позабыв про добычу. Глокк же пришел в себя не сразу. Его задело когтями. Грудь и живот пересекало несколько длинных и глубоких порезов, откуда обильно сочилась кровь. Пришедшие в восторг от запаха крови москиты облепили торс богородного. Изнывая от боли, он поднялся с земли. Бестия копошилась совсем рядом: она сумела достать до копьё, полностью распластавшись на земле и вытянув пораженную ногу вверх.

Не дав чудищу опомниться, Глокк сорвал с плеч моток лиан и подкрался к врагу со спины. Взмахнув над головой веревкой, он отправил ее в полет вокруг горла животного и вскочил на его загривок. Поймав второй конец, Глокк молниеносно обвязал шею чудища лианой, приложив все силы, что смог найти, дабы удержаться сверху.

Бестия взревела. Она вскочила и принялась прыгать вокруг себя, ошарашено шипя и плюясь пеной. Богородный сильнее сжал удавку и обвил ногами круп бестии. Его мотало с такой силой, что, казалось, внутри перемешались все кишки. Глокк яростно закричал и начал бить монстра босыми пятками по мягким местам.

Противостояние продолжалось целую вечность. Несколько раз Глокка едва не отбросило прочь, когда бестия начала кататься по земле, стараясь стряхнуть врага. Богородный совсем выдохся и был уже готов выпустить путы из ослабевших рук, когда монстр пал среди сырой травы. Он больше не двигался. Сквозь зубы-бритвы медленно вытекала вязкая слюна и сукровица.

Глокк разжал дрожащие руки и скатился с его спины на землю. Судорожно вздыхая, он наслаждался сыростью травы и рассматривал темные лесные кроны. Зеленое сияние кокона под самым сводом пещеры пробивалось сквозь редкие просветы между деревьями. Зеленоватая паутинка, украшавшая каменные стены подземелья, отсюда походила на мириады звезд и созвездий. Только совсем не знакомых. Глокку казалось, что он и правда попал в другой мир. Красивый и притягательный, но опасный и не прощающий ошибок. Вокруг снова защебетали птицы. Испуганная живность повылазила из своих нор и принялась оживленно обсуждать произошедшую битву.

Глокк дико засмеялся, представив их взбудораженные лица.

«Скоро я чокнусь как тот старик!»

Кряхтя, он поднялся с земли и обошел поверженную бестию. Богородный нашел копьё и немало удивился, увидев, что оно уцелело после смертельной пляски с монстром. Острие крепко засело в сочной плоти животного. Он вырвал оружие из раны и довольно хмыкнул.

«Неплохое вышло копьё».

С его помощью Глокк отколол несколько здоровенных зубов и когтей и перевязал их обрывками лиан.

«На привале сделаю себе ножи».

В этот момент раздались выкрики и шум сминаемой травы. На опушку выскочил Деллен со здоровенной веткой в руках, а вслед за ним – взволнованный Друст, размахивавший

светящейся бутылкой. Последним из зарослей вальяжно выбрался Бал, который отгонял факелом извечную тьму таинственного леса. Он присвистнул, увидев место битвы и, посмотрев на Глокка, рыкнул:

– А ты кой-чего умеешь, южанин.

– Что тут стряслось? – спросил Деллен, аккуратно пробираясь к пасти монстра. – Куда ты пропал, Глоkk?

– Отошел облегчиться, чтоб тебя, – хрипнул в ответ тот, недовольно обтирая копые о шерсть зверя, – и наварлся на местных обитателей. Премного благодарен, что дождались меня, чтоб вас Пекло побрало.

– Мы думали, ты где-то рядом, – пискнул Друст. Он осторожно положил дрожащую руку на нос бестии и охнул. – Но ты так и не появился. А потом услышали твои вопли... Как... Как ты его одолел?

– Рассказал ему анекдот про четырех недоумков, что отправились гулять по древнему лесу, – раздраженно плюнул под ноги Глоkk. – Берите, что нужно, и отправляемся дальше.

Он заметил, как чернокожий харматец сверлит его взглядом. На лице Бала застыла мерзкая улыбочка.

«Третий попробует убить, да? Несомненно, речь шла про эту обезьяну. Нужно найти способ избавиться от него по-тихому».

– Твои раны лучше обработать, – шепнул Деллен, подойдя ближе. – Друст знает местные травы, он найдет для тебя что-нибудь.

Глоkk молча кивнул, не сводя глаз с Бала.

«Харматец явно что-то задумал. Нужно быть начеку».

«Виола»

Мерзкие крики чаек разрывали воздух над морем. Поганые поморники сопровождали их весь день с момента битвы. Они кружили вокруг мачт двух сцепленных кораблей, что медленно дрейфовали на волнах. Птицы ожидали, когда тела павших скинут в воду, чтобы устроить пиршество. Те, что оказались посмелее, приземлялись на палубу и пытались урвать кусок.

Солнце медленно приблизилось к закату и окрасило небосвод алыми оттенками. Дневной жар испарялся, оставлял над водной гладью расплывчатые дорожки. Волны пенились и ударялись о черные борта захваченного брига. Брызги окатывали команду, сновавшую по палубе. Моряки с интересом осваивали трофейный корабль, заменивший их безнадежно потрепанную шхуну «Анну Луизу».

Старушке изрядно досталось.

Скрипя сердцем, капитан Крейг ибн Хали поручил своему боцману вместе с горсткой людей возглавить «Анну» и доставить ее обратно в доки Цивиса для ремонта. Благо после полудня к ним подоспели корабли береговой охраны, которые согласились за небольшую плату дотянуть судно до порта. Крейг решил не мелочиться и отдал Хигтсу весь задаток, что получил за заказ, принесший столько бед. Сейчас все занимались разгрузкой старушки «Анны», и переносили все ценное на бриг. Не позабыли и про партию таинственного вина.

В том, что источником всех бед был этот треклятый груз – сомнений не оставалось. Крейг нашел подтверждение словам казненного капитана брига, изучив судовой журнал. Тем скрупулезности и тщанию, с коими велся журнал, оставалось только позавидовать: на исписанных бисерными харматскими знаками желтоватых страницах содержалось подробное описание жизни корабля и его команды. Благо Крейг и сам был в некоем роде харматцем, и смог прочесть письма. Перевернув последние страницы, Крейг понял, что бриг с хлестким названием «Белое солнце пустыни» был приписан к Великому флоту Хармата как боевое разведывательное судно. Вся команда состояла из подготовленных военных, которые, к счастью для матросов с «Анны», мало что смыслили в море и морских боях. Им придумали легенду о якобы каперском найме, дабы избежать осложнений при встрече с судами других стран – из-за многих раздоров в прошлом кораблям султана запретили появляться в водах Вольных городов и Конкордата. Даже соответствующая каперская грамота имелась. Тем не менее бриг снарядили на настоящую военную операцию, главной задачей которой обозначили непосредственный перехват «Анны Луизы». Команду шхуны было предписано вырезать поголовно, а груз вернуть в Хармат.

«Но какой толк с этого вина?» – вопрошал себя Крейг.

Харматский капитан знал больше, чем поведаль. Жаль, что его больше не допросить. Крейг ломал голову, склонившись над журналом, и тщетно пытался найти ответ на этот вопрос, когда в двери постучали. В капитанскую каюту заглянул старпом Тик.

– Крейг, – он выглядел испуганным, на его побледневшем лице читалось удивление. – Ты должен это увидеть.

Капитан не на шутку взволновался. Мало что в этом мире могло удивить такого старого морского волка, как Тика. Отложив журнал, Крейг без лишних вопросов отправился за старпомом в трюм. Он провел весь день за бумагами и еще не успел побывать в хранилище корабля. Спустившись в самый низ по узкой лестнице, он застыл в изумлении.

Черная, как и корпус корабля, нижняя палуба была уставлена опорными балками, верхушки которых венчали настоящие скелеты, покрытые темным лаком. Их руки были прикованы к потолку браслетами из блестящего металла. Нижние челюсти пробитых, потрескавшихся черепов скосились, словно последнее, что довелось пережить их владельцам перед

смертью, был неистовый первобытный ужас. Из-за царившей здесь духоты, Крейгу казалось, что он попал в само Пекло.

Но открытия на этом закончились.

Дав капитану возможность вдоволь насмотреться на скелеты, Тик провел его в центр трюма. Здесь, на широкой, сколоченной из толстенных досок площадке, приспособленной для подъема на верхнюю палубу, стояло некое устройство. Размером с полконя, изготовленное из тяжелого чугуна, оно походило формой на грушу, опрокинутую набок. Та сторона «груши», что была уже и тоньше, знаменовала собой начало жерла, уходившего в глубину изделия. С толстой и объемной стороны расположился свечной фитиль, который торчал из небольшого отверстия на плоской съемной панели.

Тик посмотрел на капитана и поднял панель. Под нею обнаружилась емкость с желтой вязкой жижей. В нос ударил резкий кислый запах. Крейг, закрыл рукой рот и отвернулся, едва сдерживая рвотные позывы. Эта вонь показалась ему знакомой. Он отошел подальше, и озадаченно посмотрел на старпома.

– Что это за хрень, мистер Тик? – спросил он, все еще пытаясь прийти в себя.

Старпом провел пальцем по краям жерла и показал капитану следы от гари.

– Хм-м... из этой штуки разломали нашу «Аннушку», не иначе, – ответил он. – Вы читали судовой журнал, капитан. Там были записи про это орудие?

Крейг покачал головой. На ум не приходило ничего похожего. Он снова подошел к устройству. Он обмакнул уголок рубахи в жижу, поднес его к носу, и принял. Теперь сомнений не оставалось.

– Пекло, – капитан озадаченно смахнул испарину со лба.

– Что не так, Крейг? – спросил Тик, сдернув со лба платок и освободив волосы.

– Я знаю, что это такое, мистер Тик, – процедил Крейг и достал из-за пояса кинжал. – Иди за мной.

Он решительно пересек трюм и остановился у одного из ящиков, перенесенных сюда с «Анны». Отогнув клинком гвозди, Крейг снял крышку и отбросил ее в сторону. Внутри, в отдельных ячейках, обернутые сеном и утопленные в опилках, стояли пузатые бутылки из темного стекла. Капитан достал одну из них и впился зубами в пробку. Та засела слишком туго и не поддавалась с первого раза. Крейг раздраженно расшатал ее и таки извлек из горлышка и выплюнул на пол.

– Кто ж перевозит вино в бутылках, капитан? – ухмыльнулся Тик. – Дубины! Хоть бы в анкерок какой его разлили...

Но Крейг пропустил его вопрос мимо ушей. В нос ударил приторный сладковато-кислый аромат. С виду это было обычное вино. Тик отобрал у него бутылку и тоже принял.

– Проклятье, капитан, – прохрипел старпом, – такой же запах. Только, что не такой ядреный, – он отдал бутылку Крейгу, и почесал подбородок. – Та штука воняет так, будто в этом же самом вине вымочили мертвеца.

– Я тоже так подумал, – кивнул Крейг, подняв пробку.

– Что нам делать с этим дерьмом?

– Для начала нужно получше рассмотреть его, – задумчиво изучая бутылку, ответил Крейг. – Мистер Тик, распорядитесь, чтобы груз и орудие были под охраной, и никто даже пальцем не смел коснуться их! После поднимайтесь ко мне в кубрик. Я пока сбегаю до «Анны», заберу свои пожитки.

Оставив старпома, Крейг поднялся на палубу. Он закрыл глаза и облегченно втянул в себя прохладный вечерний воздух. Даль морского простора успокоила возбужденные чувства. Но тревожные мысли прокрались вслед за капитаном прямо из душного трюма. Тяжелый день не уставал преподносить ему сюрпризы. Чем больше ответов он получал, тем больше

возникало новых вопросов. Что за таинственный наниматель? Каким образом тут замешан Хармат? Что за адское оружие у них в трюме? И что это за странное вино, Пекло его поберет?

Плюнув от досады, Крейг пересек палубу брига и перебрался на шхуну, где всю орудовал боцман Хиггс, который раздавал последние указания перед отплытием. Судно уже взял на буксир один из гражданских кораблей, оставалось только обрубить веревки и абордажные крюки, что сковывали «Анну» и бриг.

Капитан кивнул боцману и спустился в свой крохотный кубрик. Окинув взглядом бедное убранство и мизерные размеры помещения, много лет служившего ему домом, Крейг тяжело вздохнул. Расставаться с «Анной» было нелегко, но выбора не оставалось. Он склонился над ларем со старым тряпьем и капитан погрузил руку по локоть внутрь. Ему попались его потрепанный камзол, прогоревший кунтуш, женские кружевные трусы (Крейг улыбнулся, вспомнив красотку, что их оставила) и наконец нащупал на дне небольшую кожаную сумку.

Он извлек ее наружу и проверил содержимое. То были старый дневник отца, какие-то его же потрепанные и древние на вид книги, которые Крейг так и не удосужился прочесть, и нерабочий латунный компас. Тоже отцовский. Его славный папаша был тем еще корсаром и пиратом. Но старика давно вздернули на рее, а его шлюп отошел сыну. Вдохновляясь отцом, Крейг бурно провел молодость, но всегда знал границы, чтобы не кончить как он. Однако теперь он оказался втянут в делишки много хуже. Темные и грязные...

Крейг вернулся на бриг в капитанскую каюту. Тик уже поджидал его там, развалившись на уютном диванчике, и потягивал янтарную жидкость из хрустального бокала.

– У султанских псов нашлось неплохое пойло, – старпом протянул капитану второй бокал. Тик выглядел спокойным и умиротворенным.

Крейг поставил бутылку странного вина на стол, осторожно принял из его рук напиток и принялся к содержимому.

– Это не то вино, – покачал головой старпом, – успокойся уже. Мы заслужили право передохнуть после поганого денечка. А что до твоего вина, – пригубив, буркнул Тик и покопался на капитана, – мне совсем не хочется пробовать эту дрянь.

– Мне тоже, – согласился Крейг и залпом осушил бокал.

Прохладная жидкость приятно растекалась по нутру. Капитан устроился на диване и откинулся на спинку. Усталость и недосып добрались до него. Хотелось лечь и умереть на пару денечков. Забыть про хаос, сражения и тайны. Тик, словно понимая настрой капитана, молча потягивал напиток.

– Что это за пойло, мистер Тик? – спросил Крейг, не открывая глаз.

– Хм...если б я знал, – пожал плечами тот. – Отдает пшеницей. И вкус забористый.

– Пшеницей? Я думал Хармат в своих пустынях только верблюжью шерсть выращивать и жрать может.

– Значит, оно ворованное, – хохотнул Тик.

– Если мы помрем от этой штуки, – посмотрел на него Крейг, приоткрыв один глаз, – будешь драить очки за всей командой.

Старпом поперхнулся и загоготал. Из его носа и плотно сжатых губ вырвался фонтан не выпитой жидкости. Крейг засмеялся вместе с ним и от души похлопал старпома по спине. Когда тот успокоился, капитан отставил пустой бокал и вернулся к бутылке с вином.

– Давай-ка поглядим, что это такое.

Порыскав по каюте, Крейг нашел под кроватью ведро, служившее прошлому капитану ночным горшком. Он поставил его ближе к свечам и не жалея вылил в него содержимое бутылки. Послышался громкий стук: из сосуда что-то выпало и ударилось о деревянное дно ведра. Вслед за этим вместе с остатками вина потек осадок. Мелкие черные частички нехотя отлипали от дна и краев бутылки и стекали по стеклянным стенкам.

– Что это за хрень? – подсел ближе Тик.

Крейг вместо ответа окунул руку в жидкость и пошарился по дну в поисках выпавшего предмета. Наконец он нашел его и извлек на свет. Это был небольшой, с зуб размером, камешек ярко-желтого цвета. Его грубая на ощупь пористая поверхность напоминала шлак или пемзу. От камушка исходил едкий кислый смрад, буквально разрывавший ноздри. Крейг не выдержал, бросил его обратно и отвернулся, задыхаясь от подступившей рвоты. Тик тоже не смог перенести вони и принялся чихать, брызгая слюной и соплями в разные стороны.

Отпрянув от ведра, они отползли подальше и развалились на полу, едва справляясь с удушьем. Тик отворил настежь двери в надежде впустить в каюту хоть капельку свежего воздуха.

– Чтоб мне сдохнуть, капитан, – просипел Тик, – еще мгновение, и я бы повидал своего почившего папашу! Что это такое?

Крейг навалился спиной на дверной косяк и посмотрел на старпома.

– Эта штука чуть не прикончила нас, – кивнул он. – Теперь понятно, почему ее перевозят в вине. Там она не может смердеть так сильно. Либо дополняет его запах и становится тяжело отличить его от обычного вина.

– Но что это?

– Я не знаю, мистер Тик. Но в одном уверен, – Крейг указал пальцем на ведро, – эта штука способна бахать так, что от любого корабля останутся жалкие щепки. И раз за ней охотится Хармат, уже имея такое оружие...

– Проклятье..., – судорожно вдохнул старпом. – Значит, кто-то крадет это у харматцев и сбывает в Техноград! Бьюсь об заклад, этой шуткой можно сносить не только мачты кораблям, но даже укрепления и стены! Тут пахнет войной, капитан. Во что же мы вляпались?

– В какое-то дерьмо, дружище. Давай доставим его куда нужно и забудем про это навсегда.

– Согласен.

– Есть одна проблема, мистер Тик.

Старпом взволнованно повернулся лицом к капитану.

– Какая?

– У нас на корабле лазутчик, – прошептал Крейг. – Как корсары узнали о том, что мы отплыли? Как они вообще прочухали, какой корабль везет вино?

Тик вылупил глаза.

– Новичок... южанин..., – прошептал он. – Мы же приняли его в команду незадолго до первого нападения!

– Он пережил схватку? – спросил Крейг и поднялся на ноги. Голова кружилась, в обожженном носу все еще чувствовалось тошнотворное смердение, но он уже мог уверенно стоять на ногах.

– Да, капитан, – кивнул Тик, принимая протянутую руку Крейга. Кряхтя и бранясь, старпом поднялся на ослабевшие ноги. – Черт бы побрал все это... Как харматцы умудряются работать с этой штуковиной? Мы едва нюхнули ее и чуть не откинулись.

– Запах мертвечины..., – задумчиво протянул Крейг, подходя к ведру. – В трюме она отдавала мертвечиной. Видимо, они с чем-то смешивают это дерьмо. Но я не представляю с чем.

– Я даже знать не хочу, – помотал головой Тик.

Крейг тем временем задержал дыхание и перелил вино обратно в бутылку вместе со зловонным камушком. Едва достав желтый минерал из ведра, он снова ощутил жжение в носу. Лишь только плотно закупорив пробку, он позволил себе вдохнуть. Он вытер рукавом выступивший на лице пот и посмотрел на Тика.

– Сколько наших осталось после сражения?

– Хмм...семнадцать парней погибли, кэп, – с горечью в голосе ответил старпом, дрожащими руками разливая харматский напиток по бокалам. – Восьмерых, в том числе и раненых, мы оставили на «Анне». Остальные пойдут с нами.

– Мало нас осталось. Еще одного абордажа не пережить, – нахмурился Крейг. Он взял стакан и осушил его до дна. – Пойдемте, мистер Тик! Пора отправлять «Анну» в путь и брать курс на Техноград.

– Что делать с новеньким?

– Мы пока не знаем, он ли предатель... Но проследи, чтобы сученыш отплыл с нами.

В лучах закатного солнца поломанная, но не сломленная «Анна Луиза» отправилась в сторону острова, влекомая цивийскими кораблями. На полуюте стоял боцман Хиггс. Он махал окровавленной тряпкой, прощаясь с товарищами и друзьями. Капитан Крейг, застыв у фальшборта в задней части брига, взмахнул ему в ответ поднятой лампой, и с печалью оглядел свою шхуну.

– Держись, старушка, – едва слышно прошептал он, – мы еще свидимся. Когда все это закончится.

– Как назовем наш новый корабль, капитан? – хлопнул Крейга по плечу старпом. – В честь очередной графини, угодившей в твои лапы?

– Мне хочется чего-нибудь простого, но изящного, – задумался капитан. – Я порядком подустал от знатных особ.

На ум пришла девчонка, в объятиях которой он провел прошлую ночь. Улыбнувшись, капитан глянул на помощника и ответил:

– Мы назовем ее «Виола».

В Канцелярии

День тянулся бесконечно.

Дождь слегка поутих, но серые тучи все так же угрюмо нависали над Техноградом, когда сыскари вышли из Собора. С его стен как раз сняли растерзанное тело Архиепископа Леонтия III Стирийского. Вблизи оно выглядело еще более изуродованным, чем казалось. Служаки из мертвецкой собрали внутренности убитого и вложили обратно. Стальные клинья, пронзившие руки Архиепископа, так и не смогли извлечь из стены, поэтому тело просто сорвали с них. Лицо убитого исказила гримаса боли и отчаяния – старик немало натерпелся, прежде чем умереть.

Но самым страшным оказалось другое. Вычурные символы, что вырезали на груди еще живого Леонтия: Мария узнала их, едва увидела. Это было гханурское клеймо – ритуальные шрамы, что наносили на себя дикари, которые разорили Родию много лет назад. Убийцы, лишившие ее прежней жизни. Долгие годы она носила такие же символы, пока ее чудесным образом не исцелили.

«Гханурское клеймо...»

В свое время Марии удалось изучить сложные значения, которые таили в себе эти шрамы. Но символы на груди Архиепископа, не имели никакого смысла. Складывалось впечатление, что кто-то лишь пытался выдать их за клеймо.

Сомнений не оставалось. Это убийство тесно связано с загадкой божественных идиологов. Орда, управляемая безумным Посланником, много лет разыскивала фигурки. И теперь некто другой нашел их. Здесь, в Технограде! Богородный огненный вождь давно погиб, но кто-то подхватил его флаг и продолжил поиски фигурок. Охваченная тревогой, Маша спешно поделилась с Базом опасениями, но тот лишь шикнул на нее.

– Слишком много ушей вокруг, – прошептал он. – Я тебя понял.

Вдобавок ко всему, советника Хоффмана не оказалось в полевом штабе напротив Великого Собора. Он убыл еще до обеда обратно в Канцелярию готовить доклад для Ее Величества. Ничего не оставалось, кроме как вернуться в контору и обсудить новые обстоятельства преступления. Прорвавшись сквозь толпу работников Канцелярии, они наконец покинули Соборную площадь.

Мария устало брела за Базом по опустевшим улицам Храмового квартала. Здесь проживали в основном священнослужители, ораторы и ученые, служившие Поднебесью. Район заполняли сотни лавок и магазинов с церковными принадлежностями, сувенирами и книгами. Повсюду виднелись здания приходских школ, клубов для песнопений и церковных ремесленных цехов. Но почти все они сейчас были закрыты. На дорогах прибавилось стражи и королевских гвардейцев. Баз объяснил, что дабы воспрепятствовать мародерству и насилию, которое неизменно возникнет в охваченном паникой городе, Королевский Совет постановил усилить охрану и объявил чрезвычайное положение, в том числе ввел комендантский час. Девушке до сих пор не верилось, что все это не кошмарный сон.

«Пора бы проснуться! Да только как, если я уже двое суток не смыкала глаз». Голова раскалывалась. Разглядывая брусчатку под ногами, Мария мечтала о смерти как об избавлении. Но на ум немедленно приходили окоченевшее тело невинной мадам Клетус и пропавший кот Черныш.

«Боги, пусть с ним все будет хорошо!»

Но Мария знала, что Боги не могли ее услышать. Из них на свободе остался один безумный старик Мор, повелитель Смерти. Остальные же томились в плену Поднебесья. Девушка посвятила жизнь тому, чтобы освободить их, но пока она лишь отдалялась от своей цели.

Разбирая кашу из мыслей, что роились в голове, Маша не заметила, как они оказались в Старом Городе. Днем он выглядел совсем по-другому. Дороги здесь были широкими и чистыми. Дождевые потоки собирались в узкие каменные желобы, что протянулись вдоль улиц, и ниспадали в сокрытую под брусчаткой канализацию. Ухоженные жилые дома и торговые лавки под крышами из красноватой черепицы уютно соседствовали с площадями и парками. Величественные кипарисы и стройные пальмы тянулись листьями за гордыми белокаменными башнями, увенчанными куполами, золото которых потускнело на фоне серых небес. Капли дождя падали на разноцветную мозаику окон и витражей и стекали на головы редким прохожим.

Однако здесь было оживленнее, чем в Храмовом квартале. То и дело попадались знакомые лица из самых разных ведомств. Старый город служил домом не только для аристократии, но и вмещал в себя основные управленческие здания. В том числе и Канцелярия Ее Величества. Она не отличалась особым изыском формы и архитектуры, но отражала сухую и методичную работу ее сотрудников. Огромным продолговатым монолитом, она протянулась с запада на восток, и возвышалась над всем районом. Вдоль белых стен с барельефом из прямых линий и углов, выстроился ряд мраморных колонн, которые смыкались в виде арки ровно посередине строения, где расположились гигантские двери из черного дуба. К Канцелярии со всех сторон света поднимались высокие гранитные лестницы, ступени которых поражали длиной и размерами.

Мария окинула усталым взглядом небольшой парк перед Канцелярией. Буквально несколько часов назад они с Базом сидели на той самой лавочке, пили вино и отдыхали после очередного тяжелого дня. Но с тех пор произошло столько всего, что, казалось, минула неделя, не меньше.

Баз одернул задумавшуюся Марию и спешно поднялся по ступеням ко входу. Пройдя внутрь, девушка привычно свернула к боковой лестнице, ведущей к их ведомству, что отвечало за сыск по убийствам и другим тяжким преступлениям. Но наставник уверенно прошествовал мимо и пересек главную залу. Маша едва поспевала за ним, сталкиваясь со снующими туда-сюда сотрудниками. Канцелярия кишела как муравейник. Приходилось протискиваться через толпы взволнованных работников, кряхтевших под кипами бумаг и свитков. Кругом стояла ругань, шум и гам, будто они оказались на базаре, а не в Королевском учреждении.

Выйдя из себя, Мария грубо растолкала очередь из мужчин в синих костюмах Третьей канцелярии и нагнала База у центральной лестницы. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять: наверху сидят важные руководители. Ступени из нежно-кремового камня, укрытые красной ковровой дорожкой, закругленные гладкие перила с золотым орнаментом, а над каждым пролетом – герб Конкордата в виде Ока веры. Маша опасалась даже смотреть на эту величественную лестницу, не то, что подниматься. Баз махнул ей рукой и решительно устремился вверх.

«Совсем размякла», – ругала себя девушка.

Подниматься пришлось на последний этаж. Мария пыталась сосчитать, сколько они минули лестничных пролетов, чтобы отвлечься от переживаний. В свое время ей довелось подняться на вершину бесконечно высокой башни Хлада. В доме старого Бога она лишилась учителя-мхагра и едва не погибла сама. Но сейчас она шла, словно в бреду, вялая и поникшая, снедаемая тревогой и волнением. Баз остановился посреди просторного помещения, в котором встречались два коридора, что уходили вдаль по обе руки. От неожиданности Маша врезалась в наставника и испуганно округлила глаза.

– Мария, – негромко сказал Баз и взял девушку за плечи. Наставник словно опасался нарушить величественный покой этих залов, и боялся повысить голос. – Ты должна взять себя в руки. Нам предстоит серьезный разговор с советником Хоффманом. После же мы займемся твоей проблемой. Сегодня будет долгий день.

– Я справлюсь, – кивнула Маша. – Давай покончим с этим скорее.

Баз потрепал подругу по плечу, прошел по коридору и остановился у высоких лакированных дверей. Рядом на стене висела золотая табличка с надписью: *«Руководитель Собственной Ее Королевского Величества Шестой канцелярии, тайный советник герр Хорст фон Хоффман»*.

– Поди-выговори все это, – покачала головой Маша.

– Когда зайдем, – покосился на нее Баз, – молчи! Говорить буду я. Отвечай только тогда, когда Советник тебя о чем-нибудь спросит.

– Хорошо-хорошо, – фыркнула девушка, – идем уже.

В богато обставленной приемной их встретил секретарь – сухопарый длинноносый мужчина в полукруглых очках. После короткого разговора о цели визита он надолго скрылся за дверями кабинета советника. В ожидании приглашения Маша развалилась в мягком, как царская перина, кожаном кресле и взяла со стоящего рядом круглого столика стакан из чистого как слеза хрусталя. Повертела его в руках, изучая гравировку из сложных узоров, и плеснула в него немного вина из такого же вычурного графина. Осушив сосуд одним глотком, Мария расслабилась и откинулась на спинку кресла, отдаваясь объятиям дремы. Ей было уже безразличны треволнения и беды, она слишком измоталась.

От лица База же наоборот отхлынуло последнее спокойствие, хотя все утро он казался сдержанным и хладнокровным. Мужчина мерил приемную быстрым шагом и поглядывал то на двери кабинета, то на спящую подругу. Он начинал понимать всю серьезность их положения. Тайна, которой поделилась Мария, оказалась непомерно тяжелой. Баз не представлял, как хрупкая девушка может справляться со всем этим.

Наконец двери кабинета распахнулись.

– Господин де Амрэ. Мария, – задрал нос, воззвал секретарь. – Герр Хоффман ожидает вас.

Баз растормошил Машу и поправил, как смог, мятый камзол. Девушка последовала его примеру и пригладила растрепанные волосы. Кивнув друг другу, они вошли в просторный кабинет советника. Мария ожидала увидеть более богатое убранство, хотя и бедным назвать его язык не поворачивался. В помещение, пожалуй, вошел бы весь дом мадам Клетус, и еще бы осталось место. Выкрашенные в золотой цвет обои без узоров и рисунков, ближе к полу плавно сменялись белокаменными панелями. Всю правую сторону занимали огромные окна с балкончиками, откуда наверняка открывался прекрасный вид на парк. С других стен со своих портретов на пришельцев бросали грозные и надменные взгляды лица старых монархов и аристократов. По центру кабинета располагался длинный прямоугольный стол из темного дерева. Вокруг него выстроились ряды одинаковых мягких стульев.

«Видимо, здесь и собирается все руководство Шестой канцелярии на совещания, – подумала Маша, разглядывая кабинет. – Именно отсюда они потом выходят, злые как побитые собаки и срываются на остальных».

В дальнем конце стола, перпендикулярно ему, расположился еще один, длинный и внушительный. За ним и сидел советник, который строчил что-то пером на бумаге. Возле него возвышались целые стопки докладов и отчетов о проделанной за утро работе. Еще больше листов были развалены прямо на полу.

– Присаживайтесь, – сухо бросил герр Хоффман.

Баз потянул Марию за рукав, подошел к столу советника и занял ближайшее к нему место. Девушка уселась сразу за наставником и скромно выглянула из-за его спины. Герр фон Хоффман был высок и статен. Темные, покрытые серебром седины волосы были уложены в высокую прическу. Утонченность его лица подчеркивали тонкие усики, но взгляд впалых темных глаз говорил, что этот человек суров и серьезен. Строгий, но изящный синий китель воен-

ного образца украшали золотые аксельбанты и множество медалей и орденов, словно советник собирался на парад. Или на светский бал.

Он закончил скрипеть пером, аккуратно отложил его в сторону и шумно вздохнул. Скрестив пальцы, он оценил База тяжелым взглядом. Тому стало неловко, и он поерзал на стуле, представив свой помятый и неухоженный вид со стороны.

– Майор де Амрэ, – сказал Советник тяжелым, как чугун, голосом, – секретарь пояснил, что у тебя есть важные для расследования сведения? Почему ты не доложил об этом утром?

Баз сглотнул, подбирая в уме слова.

– Новые подробности открылись совсем недавно, герр Хоффман, – тихо ответил он, кивнув в сторону подруги, – и лишь благодаря моей помощнице Марии.

У девушки все внутри перевернулось. Паника, которая уже успела отступить, вновь хлынула к горлу. «Лишь бы он не проговорился!» – встревожилась Маша, но промолчала.

– Неужели? – хмыкнул советник. Он убрал от лица руки и наклонился над столом. – Мария... Думаю, тебе уже сообщили, что этим утром мы с тобой должны были встретиться. Но обстоятельства, как ты понимаешь, немного изменились.

– Да, советник, – неуверенно кивнула Маша.

– Предлагаю отложить все это на потом и перейти к сути. Что вам удалось узнать?

Бросив взгляд на девушку, Баз ответил:

– После составленных с послушниками бесед мы допросили пажа покойного Архиепископа...

– Так значит это правда! – перебил его фон Хоффман и всплеснул руками. – Надеюсь, вы понимаете, сколько гнусностей мне пришлось выслушать от главы Третьей канцелярии?

Советник откинулся на спинку кресла и сомкнул пальцы.

– Мне передали, что девушка-сыскарь из Шестой утащила пажа за Собор и грозила его прикончить. Я так полагаю, это ты издевалась над бедным ребенком, Мария?

– Да, советник, – виновато прошептала та.

– От меня потребовали найти тебя и подвергнуть суду за содеянное! Дитя уже допросили лучшие сыскари Канцелярии, но не узнали ничего. С чего ты решила, что у тебя получится лучше? Я был более высокого мнения о тебе...

Усталость пропала в одночасье. Былой огонь, поутихший за время жизни в городе, вдруг вспыхнул ярким взрывом. Маша вскочила из-за стола и гневно отпихнула стул. Тот с грохотом повалился на гладкий каменный пол, оставив после себя долгое эхо. Не сдерживаясь, девушка выпалила:

– Может быть, я и не благородных кровей, как остальные хлыщи в этой проклятой Канцелярии. И у меня нет денег или богатеньких родителей, чтобы покупать себе титулы. Но это не делает меня хуже них! Я работаю, потому что мне это нравится, а не из-за должностей и карьеры! И могу бросить все это, если я вас чем-то не устраиваю! Но пока все ваши павлины ходили сегодня утром вокруг Собора, тряся своими хвостами и медалями перед друг другом, маленький поганец обвел их вокруг пальца. Он врал всем и утаил важнейшие сведения. И если вы хотите раскрыть убийство этого никчемного старика, то не нужно относиться ко мне, как немощной полоумной крестьянке, а просто выслушайте!

Побледневший Баз едва удержался, чтобы не сползти со стула, страхась гнева советника. Покрывшись испариной, он судорожно переводил взгляд между Марией и фон Хоффманом. Но руководитель лишь задумчиво буравил Машу и покусывал нижнюю губу. Спокойно, без эмоций, он обратился к покрасневшей от злости девушке:

– Будь так любезна, успокойся, подними стул и поведай, что же такого ты узнала.

Ожидавшая встретить отпор Маша вдруг замялась. Она кивнула и вернула стул на место. Девушка села, глубоко вздохнула и дрожащим голосом пересказала ему все, что поведал паж

Архиерарха, не утаивая деталей и не скрывая мнения о мерзких пристрастиях убитого к несовершеннолетним. Однако советник не обратил внимания на пикантные подробности.

– Так значит, один из послушников связан с убийством, – подытожил фон Хоффман.

– Мы думаем, он хотел выманить пажа, чтобы дать убийце больше времени, – сказал Баз. – Но мальчишка вернулся раньше и отстрочил смерть Архиерарха.

– Если только послушник и убийца – не один и тот же человек.

– Исключено, – воспротивилась Маша.

– Это почему же? – с любопытством посмотрел на нее советник.

– Мы рассказали вам не все подробности, герр Хоффман, – подхватил Баз. – Мария нашла путь, по которому убийца покинул Собор. Когда он проник в комнату Архиерарха, то начал пытать его, что уже установило следствие. Но одного сыскари не нашли, – Баз извлек из-за пазухи тряпичный сверток и положил его перед советником. – Леонтий умудрился ранить своего мучителя. Этот нож мы нашли под шкафом, и я уверен, что на нем кровь преступника.

Фон Хоффман развернул сверток и склонился над ножом.

– Вполне вероятно, – пробубнил он себе под нос, изучая рукоять, украшенную символом веры. – Этот нож определенно не принадлежал убийце. Но с чего вы решили, что он не в крови Архиерарха?

– Под лестницей кто-то старательно замыл, – вступила в разговор Маша. – Я думаю, там была кровь убийцы, накапавшая из полученной им раны. И чтобы никто не нашел путь отступления, он вытер все следы.

– Возможно, – согласился советник. – Кровь Архиерарха прятать было бы бессмысленно. Все же не будем делать поспешных выводов. Не стоит совершать типичной для сыскарей ошибки – думать, что убийца умнее, чем есть на самом деле. Вы нашли еще что-нибудь?

– Он скрылся через задний дворик и слез с уступа к лошади, что уже ждала его у подножия, – ответила Маша. – Там осталась куча конского дерьма.

Еще не пришедший в себя после перепалки Баз содрогнулся от ее слов.

– Не стоит быть такой прямолинейной в своих выражениях, Мария..., – шикнул он на подругу.

– Ничего страшного, де Амрэ, – махнул рукой советник. – Я сам, подобно вам обоим, долгие годы копался в этом дерьме, когда устроился в Канцелярию. Продолжай, Мария.

Девушка приободрилась, устроилась поудобнее на стуле и наклонилась ближе к собеседникам.

– Утром все послушники находились на месте, никто не покинул стен Собора, – сказала она. – К тому же, никто из них не ранен. Значит – у убийцы действительно есть сообщник, и он все еще в Соборе.

– Да, – вторил ей Баз. – Мы решили сообщить вам об этом лично, чтобы не поднимать шумиху и не спугнуть его. Но есть еще один любопытный момент. Возможно, это пустяк, но все же... Убийца, – он опустил голос, словно боялся, что его подслушают, – носит подкованную обувь. Мария нашла характерный след во дворе.

Советник удовлетворенно откинулся в кресле.

– Вы отлично поработали, – сказал он. – Теперь мне не придется краснеть на докладе перед Королевой.

– Это заслуга моей подопечной, герр Хоффман, – улыбнулся Баз и покосился на подругу.

– Несомненно, – кивнул тот. – Несмотря на горячий нрав и острый язык, Мария, ты заслужила право получить первый государственный чин. Я отдам соответствующие распоряжения. Поздравляю, поручик! Я и дальше жду от тебя прилежной работы. И не волнуйся об инциденте с пажом. Я улажу это недоразумение, но впредь будь аккуратнее. Я не всемогущ.

Утомленная последними событиями Маша лишь кисло улыбнулась и кивнула.

– Спасибо, герр Хоффман. Я не подведу вашего доверия.

– Не сомневаюсь, – кивнул тот. Он взял в руки перо и вернулся к бумагам. – Что ж, если вам больше нечего поведать, мне нужно подготовиться ко встрече с Королевой...

– Вообще-то, есть кое-что, герр Хоффман, – сказал вдруг Баз.

Советник замер и вперил взгляд в подчиненного.

– Я слушаю вас, де Амрэ.

– Осматривая место преступления, мы с Марией нашли..., – наставник бросил взгляд на встревожившуюся подругу, – бутылку вина. Не совсем обычную.

– Что же в ней необычного? – поинтересовался советник. – В комнате Архиепископа мы нашли много бутылок вина.

– Эта была спрятана, – выпалил Баз, – там же, за шкафом. Я неуверен в ее отношении к убийству, но... Мне подсказывает чутье, что нужно проверить эту ниточку.

Фон Хоффман отложил перо и снова сложил пальцы перед лицом. Он посмотрел на подчиненного и легонько кивнул:

– Чутье сыскаря – это не шутки, кто бы что не говорил. Оно часто приводит к разгадке. Чем же я могу помочь тебе, де Амрэ? Покажи мне эту бутылку.

– Боюсь... Мы ее спрятали, – Баз пытался сохранить выдержку, нагло привирая прямо в лицо советнику. – Чтобы никто посторонний не узнал о ней раньше времени. На ней нет гравировок и печатей. Разве что, таких необычных бутылок я еще не видел. Дело в том, что я не знаю, откуда начать поиски источника этого вина.

Хоффман призадумался. Он испытующе смотрел на База и Марию. Те сидели, вжавшись в стулья, и страшились, что их обман раскрыт. Девушка мысленно ругала наставника за столь неубедительное объяснение связи между убийством и бутылкой. Но тут советник заговорил и все ее страхи улетучились.

– Я подумаю, чем смогу оказаться вам полезен, – он перешел на шепот. – Отправляйтесь на отдых, а после приступайте к исполнению обязанностей. Я пошлю за вами, когда найду способ узнать про это вино.

– Спасибо, герр Хоффман, – поднявшись, поклонился Баз. Маша последовала его примеру, и бесшумно задвинула за собой стул.

«Наконец-то у нас появился шанс распутать этот клубок!» – ликовала девушка.

– Де Амрэ, – окликнул их советник. – Наш разговор строго конфиденциален. Проследи за этим.

– Да, герр Хоффман, – еще раз поклонился Баз и подтолкнул подругу к дверям.

Лишь выйдя из кабинета, он облегченно вздохнул и негодуя посмотрел на девушку. Та оживилась после перепалки с советником и, улыбнувшись Базу, первой вышла из приемной.

На выходе из Канцелярии они заглянули к экспертам и вызвали работников мертвецкой к дому мадам Клетус. Взяв себе в помощь служебный экипаж, они довольно быстро добрались по пустым улицам до жилища Маши в Риверсбурге.

Простучав по гладкому камню набережной Голубой ленты, экипаж остановился у дверей дома мадам Клетус. Мария вышла из кареты и с надеждой посмотрела на балкончик комнаты, где обычно сидел Черныш и ждал ее возвращения.

Но там было пусто.

Обстановка в доме осталась неизменной. Мадам Клетус все так же лежала возле дверей. Ее тело совсем закоченело и покрылось пятнами. В воздухе витал молочный запах начавшегося разложения. Машу вновь затошнило. Вернулась и головная боль.

Дождаясь бригады из мертвецкой, Баз прошелся по дому и изучил обстановку в надежде найти следы вторжения. Он прошелся по жилищу, осмотрел спальню хозяйки, и наконец оказался в комнате подруги под самой крышей. Маша описала пропавшие вещи и показала тайник.

Баз склонился над ним и оценил его размеры.

– Этот твой меч..., – нахмурился он.

– Катана, – устало плюхнулась на кровать Маша.

– Катана... Она была примерно таких размеров?

– Да, меч идеально помещался в тайнике.

– Значит, ты воин-мхаграй, – хмыкнул наставник. – Из того самого мистического культа, о котором ходят легенды и сказки. Убийцы в страшных масках, что наводят ужас на сильных мира сего, – он покачал головой. – Мне до сих пор трудно поверить в существование этого ордена.

– Свою маску я давно разломала и выкинула, – безразлично бросила Маша.

– Почему же ты прятала свой меч? – Баз лег рядом и повернулся к девушке.

– Я не сомневаюсь, что у Пекла могут быть свои люди в этом городе. Они смогли бы вычислить меня, увидев меч. Поэтому я предпочитала не расхаживать с ним по городу.

– Это имеет смысл.

Маша поерзала и уставилась на наставника.

– Баз! Что мне теперь делать? У меня пропало все, даже мой единственный и самый верный друг. Мой Черныш! Мне теперь негде жить! Дом Клетус полагается запечатать и передать родственникам. Куда мне теперь податься?

Она удрученно уронила голову на руки и зарылась пальцами в грязные после тяжелой ночи волосы. К горлу подступил горький ком. Не будь она настолько измучена, то разревелась бы. Маша вздрогнула, когда Баз обнял ее за плечи, но не стала отстраняться. Он успокаивающе погладил ее и прошептал:

– Я тебя не брошу, Мария. Раз я теперь живу один, можешь остаться у меня.

– Мало тебе меня на работе, – ухмыльнулась девушка.

– Надоела до жути! – рассмеялся Баз. – Но на улице я тебя не оставлю. Живи у меня столько, сколько захочешь.

– Спасибо тебе, – просипела Маша.

Она обняла мужчину и прильнула лицом к его плечу. Они сидели так долго, молча размышляли о бедах, что свалились на них за эти дни. Мария не представляла, как быть дальше. Она проклинала тот день, когда решила остаться в этом городе. Нужно было уйти как можно дальше, бросить все эти нелепицы по спасению старых Богов. Теперь девушке хотелось лишь одного – обрести место, которое она могла бы назвать своим домом. Ярослав, ее друг, погибший много лет назад, когда-то обещал построить для нее дом.

Но теперь, спустя столько лет, все это казалось каким-то вымыслом, небылицей. Будто все происходило с другим человеком.

Они с Базом просидели так до самого вечера, пока за телом мадам Клетус не прибыли санитары из мертвецкой. Они уложили старушку в повозку и пообещали сыскарям, что уже завтра будет произведено вскрытие. Это могло бы пролить свет на причины смерти женщины.

Собрав жалкие пожитки и не забыв прихватить таинственное вино, Мария отправилась вслед за наставником к нему домой. Ей хотелось лишь одного – лечь и уснуть. И спать до скончания времен, пока весь этот кошмар не закончится. Цокот копыт служебного экипажа гулко разносился по улицам, стремительно погружавшимся в вечернюю мглу. Фонари сегодня зажглись поздно.

На дне бездны

На исходе второго дня пути Деллен дал отряду знак остановиться. Они продвигались довольно быстро и к вечеру подошли к окраине подземного леса. Шаман Друст оказался достаточно опытным следопытом и сумел провести остальных сквозь темную пушу свисающих с веток лиан, густых кустарников и спрятанных в тумане болот. Однако путешествие отняло слишком много сил.

Последние дни за отрядом следовали невидимые в темноте твари. Глокк не сомневался, что здесь обитает зверье более грозное, чем та бестия, которую он едва одолел. Их незримое присутствие угнетало и лишало покоя на протяжении всего пути. Но никто пока так и не решился сунуться к богородным. И все же Глокк чувствовал их. Твари выжидали. Едва слышное рычание то и дело доносилось из чащи. Стоит путникам потерять бдительность – и они нападут. Нужно было скорее покинуть этот проклятый лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.